

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

*Свидание с небесным
покровителем*

ЛЕТНЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Ольга Геннадьевна Володарская

Свидание с небесным покровителем

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183332
Свидание с небесным покровителем: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-36173-1*

Аннотация

Он называл себя Габриелем. Ему нравилось значение этого имени: «Моя сила в Боге». Габриель на самом деле ощущал и силу, и божеское покровительство... Только он был убийцей – холодным и беспристрастным, как средневековый палач. И перед тем как встретиться с небесным покровителем, Габриель дал себе зарок: отправить на тот свет пятерых людей...

Старший следователь Митрофан Голушко очень переживал за свою жену Марго, тяжело переносившую беременность, и отправил ее в элитный пансионат «Эдельвейс». Самочувствие Марго сразу улучшилось, и вообще ей очень нравилось там отдыхать, пока... по «Эдельвейсу» не прокатилась волна самоубийств! Митрофан сразу заподозрил, что эти преступления слишком похожи на замаскированные убийства...

Содержание

День первый	4
Митрофан	4
Базиль	15
Габриель	28
Марго	32
Митрофан	54
Базиль	62
Габриель	68
Марго	76
Митрофан	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ольга Володарская

Свидание с небесным покровителем

День первый

Митрофан

Рабочее утро понедельника старший следователь Митрофан Васильевич Голушко начал, как всегда, с завтрака. По устоявшейся за много лет привычке, войдя в кабинет, он первым делом достал из портфеля бумажный сверток, в котором лежало несколько кусков сыра с плесенью и десяток постных крекеров, положил его на стол, сам уселся на стул и приготовился трапезничать. Обычно стоило ему достать еду, как в кабинет кто-нибудь вламывался, как правило, это был старший опер Леха Смирнов, лучший друг Голушко. Но сегодня ни одна душа не потревожила Митрофана. Он спокойно достал свой завтрак, разложил его на салфетке, заварил себе травяного чая и приготовился поесть, но... Аппетита не было! Та еда, которой он был верен многие годы, вдруг перестала вызывать в нем положительные эмоции. Раньше у него

слиюнки текли при одном виде вкрапленной в сыр зеленоватой плесени, а теперь Митрофан не чувствовал ничего. Хотя есть хотел! Со вчерашнего вечера Митрофан выпил только стакан кефира, и желудок утробным урчанием напоминал Голушко о том, что надо бы его чем-нибудь заправить. Митрофан поднес ко рту кусок сыра, но через секунду с отвращением вернул бри на салфетку...

«Сальца бы сейчас! – впервые за сорок с лишним лет возжелал Голушко. – С черным хлебушком. А еще картошечки жареной, селедки с луком и стопку водки!»

Эти мысли были настолько нетипичны для него, что сравнить их можно было только с богохульными высказываниями праведника. Митрофан терпеть не мог сало, крайне редко ел жареное, к селедке был равнодушен, а водку не пил вовсе. Так с чего вдруг возник этот порыв отравить свой организм всякой вредной гадостью? Ну просто токсикоз какой-то!

– Добрейшего утра вам, драгоценный Митрофан Васильевич! – донеслось со стороны двери. Подняв глаза от не вызывающего ничего, кроме тоски, завтрака, Голушко увидел входящего в его кабинет Леху. – Трапезничать изволите?

– Угу, – без энтузиазма ответил Митрофан и, сунув в рот кусок сыра, стал его вяло пережевывать. – Хочешь со мной?

– Это? – поморщился Леха. – Не, Мить... Этого не хочу. Сальца бы!

– Я б тоже не отказался, – вздохнул Митрофан.

– Вот ты и прокололся! – радостно вскричал Леха. – А

ведь столько лет уверял меня, что его не ешь.

– А я и не ел никогда... Но сегодня вдруг пробило... – Голушко с тоской посмотрел на сыр, затем на Смирнова. – У тебя нет случайно кусочка?

– Не-а...

– А что есть?

– Бутерброды с колбасой... – Видя, как оживился старший следователь, Леха сразу же предостерег: – Только булка сдобная с изюмом, а колбаса с жиром.

– Отлично, неси!

– Да у меня с собой! – обрадовал Митрофана товарищ. Он поставил на стол заплечную сумку и достал из нее полиэтиленовый пакет. В нем стопочкой лежали бутерброды с недорогой вареной колбасой, вид которой обычно вызывал у Голушко приступы тошноты, а нынче – зверский аппетит. – Ты что, и вправду будешь это есть? – недоверчиво спросил Леха, когда Митрофан потянулся к бутерброду. Никогда раньше он не видел, чтоб Голушко употреблял в пищу нечто подобное. – И не стошнит?

– Нн-не-а, – невнятно ответил тот, вгрызаясь в угощение.

– Да, Митя, совсем ты плохой стал, – покачал головой Леха. – Худеешь вон не по дням, а по часам... Не заболел ли?

Голушко и вправду худел просто на глазах. От рождения он был крупным, ширококостным, мясистым (пошел в мать, которую никогда не видел – она спихнула новорожденного сына отцу, карточному шулеру по кличке Базиль), а после

двадцати стал неумолимо обрастать жирком. Из-за этого к тридцати годам Митрофан превратился в бугая со свисающим на ремень брюк животом и очень походил на одного из персонажей картины Сурикова «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». И не только из-за комплекции, но еще из-за вислых усов, лысины и налитых щек. Тот, кто не знал Митрофана, мог принять его за обжору и пьяницу, тогда как он был трезвенником и ел, словно птичка. Но при этом оставался толстым и красномордым на протяжении полутора десятков лет. Леха, знакомый с ним все это время, уже и не представлял товарища другим, но в последнее время стал замечать, что Голушко стремительно терял вес и здоровый цвет лица. И если новоявленную бледность можно было еще как-то объяснить: масса тела снизилась, давление вошло в норму, – то отчего Митрофан «таял», Леха не мог взять в толк. Рацион его питания не изменился, спортом он заниматься не начал, таблетки тайские принимать тем более, но сальцо с боков старшего следователя испарялось и испарялось...

Заболел, наверное.

– Мить, правда, что с тобой, а? – обеспокоенно спросил Леха. – Может, глисты?

– Дурак ты, Смирнов, какие глисты? Откуда?

– Из плесени твоей... – Он ткнул пальцем в сыр. – Грязь и несвежие продукты – источник всякой заразы!

Митрофан закатил глаза. Он уже устал объяснять Смир-

нову, что плесенью сыр искусственно начиняют, а не он сам ею покрывается от долгого лежания. Что же касается всякой заразы, то, по мнению Голушко, гораздо вероятнее ее подцепить, поедая дешевую колбасу, к коей Леха питал необъяснимую слабость. Неизвестно, из чего ее делают. Ладно, если из бумаги, а то, может, из крысятины какой...

– Лех, а из чего эту колбасу производят? – запоздало испугался Митрофан.

– Да из окорочков, наверное, штатовских, – пожал тот плечами. – Ну а для вкуса чесночку добавляют да перчику... – Видя, что Голушко вновь принимается за бутерброд, Леха, пока тот не подчистил весь его завтрак, ухватил одно колесико колбаски и отправил в рот. – Слушай, Митя, я тут супругу твою видел и прям не узнал... Округлилась так... Похорошела... Не знал бы я, что твоя Марго чистый ангел, решил бы, что она из тебя, как вампир, кровушку высасывает... Ну или скандалами до истощения доводит... Сама-то вон какая справная стала, а ты сдуваешься на глазах!

– Лех, я тебе сейчас одно признание сделаю, только ты никому, ладно?

– Ты че, кому? Я могила...

– Марго беременна!

– Да ты что? – радостно подпрыгнул на стуле Леха. – И на каком она сроке?

– Уже шестой месяц!

– Надо же, а я живота не приметил!

– Он у нее маленький, незаметный. Только если разденется, видно...

– Ну, даешь, хохол! И молчал ведь...

– Сглазить не хотел... У нее угроза выкидыша была все это время... – Митрофан тяжело вздохнул, отложив в сторону последний недоеденный бутерброд. – Ты же знаешь, она у меня не самая крепкая и здоровая женщина в мире...

Леха это знал. А также историю знакомства Митрофана с будущей женой. Произошло это два с половиной года назад. Марго тогда работала в элитном борделе «Экзотик», а Митрофан вел дело об убийстве проституток этого самого борделя. Первой погибла гермафродит Афродита, второй толстуха Венера, третьей жертвой могла стать карлица Марго, но благодаря старшему следователю Голушко (а в большей степени его отцу Василию Дмитриевичу) девушка осталась жива. Тут бы всем порадоваться, но Митрофан, влюбившийся в опекаемую им Марго, никак не мог переступить через себя и связать свою жизнь с бывшей проституткой. Марго же не желала оставаться карлицей до самой смерти и пошла на мучительную операцию по наращиванию конечностей. В общем, воссоединились влюбленные только спустя полгода, но зато почти сразу поженились и зажили всем на удивление¹...

Вот только детей завести у них не получалось.

Врачи говорили, что причина в Марго, но при этом успо-

¹ Подробно об этом читайте в романе О. Володарской, «Последнее желание гейши». Издательство «Эксмо».

каивали ее тем, что таким женщинам, как она, с «детским тазом», вообще беременеть противопоказано – не разродишься. Однако она готова была рискнуть, лишь бы подарить супругу наследника (или наследницу – Митрофан, собственно, больше хотел девочку), любимому свекру внука, ну и себе, конечно, отраду...

Но не получалось! Целый год не получалось.

– Я, Лех, так за нее беспокоюсь, – продолжал Митрофан. – У нее первые три месяца токсикоз жуткий был. Рвало не переставая, а теперь приступы обжорства... Главное, раньше ела как Дюймовочка, отец ее насильно кормил, а теперь как слепая лошадь... Все ест, что не приколочено... А потом мучается! То изжога, то колики...

– Изжога – к волосатому младенцу, – со знанием дела изрек Смирнов. У него было двое сыновей, так что в вопросе деторождения он считал себя опытным человеком. – А колики у всех беременных бывают, так что не переживай!

– А я переживаю, – вздохнул Митрофан. – Папаня тоже волнуется... Как клушка над Марго трясется... Уж как рыбалку любит, ты знаешь, а этим летом только на утреннюю ездил, чтоб Марго не оставлять без присмотра...

– Так ты вроде вчера по телефону мне говорил, что Василь Дмитрич укатил на Волгу на все неделю...

– Ну да, уехал. Взял лодку надувную, палатку, снасти и рванул... Но только после того, как я жену в дом отдыха отвез.

– В какой такой дом отдыха? Ты мне ничего не говорил...

– «Эдельвейс» называется.

– Ни фиги себе! – присвистнул Леха. – Крутейшее местечко! Путевка туда стоит, как тур по Европе! – Смирнов подозрительно прищурился. – Ты, Митя, что, взятки начал брать?

– С ума сошел?! – возмутился Голушко.

– Тогда откуда бабло? Тридцатку на путевку при нашей-то зарплате выкружить никак невозможно!

– Мне она за три с половиной тысячи досталась!

– Бро-ось, – протянул Леха недоверчиво.

– Да точно тебе говорю! Десять процентов плюс налог...

– С каких это пор МВД стало оплачивать путевки в буржуйские дома отдыха? У нас вроде были только в ведомственные санатории... И то по большому благу!

– Да мне «горящую» предложили! Буквально за несколько часов! Позвонили вечером, спросили: «Хочешь завтра жену в дом отдыха отправить?» Ну, мы с отцом посоветовались и решили, что идея хорошая...

– Кто предложил?

– Председатель нашего профсоюзного комитета. А отказалась от путевки небезызвестная тебе Катерина Сергеевна Пухлова.

– Какая еще Пухлова? Знать такую не знаю...

– Лех, да ты что? Это ж секретарша генерального прокурора!

– Ах, Катюня! Ее-то, конечно, знаю! Она у нас личность,

не побоюсь этого слова, звездная... – Видя, что Митрофан не совсем понимает его мысль, Леха пояснил: – Бессменная секретарша всех прокуроров. И по совместительству любовница! Она на своей должности уже восемнадцать лет. Прокуроры за это время менялись раз пять, а Катюня... как константа! Бабе за сорок, а все еще умудряется своих начальников раскручивать не только на секс, но и на нехилые подарочки! Один ей квартиру выхлопотал, второй дачу, третий машину помог купить... Вот и нынешний наш прокурор, Слонов, Катюню не обижает! Нам, значит, путевки в ведомственные клоповники, а ей в буржуский «Эдельвейс»!

– Название только какое-то идиотское, – заметил Голушко.

– Почему это?

– Насколько я знаю, эдельвейс – это горный цветок...

– Ну да...

– А дом отдыха находится далеко не в горах... Расположен он на берегу Волги, уместнее было бы его «Кувшинкой» назвать... Или «Ивушкой» какой-нибудь...

– Скажешь тоже – «Кувшинкой»! – фыркнул Смирнов. – Это тебе детский сад, что ли? А «Ивушка» только для забегаловки, где пиво в розлив продают, подходит! Пафосные дома отдыха должны красиво называться! «Эдельвейс» звучит недурственно, как раз под стать местечку...

– Да, местечко замечательное! Я когда Марго туда отвозил, просто диву давался... На территории фонтаны, всякие

беседки, бассейн с горками, карусели... К реке лестница ведет, а у причала скутеры, моторки и даже катера. Все в прокат дают...

– Эх, покататься бы на катерке! С ветерочком! Я ведь умею им управлять... Сам знаешь, когда-то речное училище окончил!

– Аренду не потянешь. Я ради интереса спросил, сколько стоит, так чуть не поперхнулся: два часа – десять тысяч!

– Месячная зарплата, – тяжело вздохнул Леха.

– А еще в залог оставить надо какую-то невероятную сумму... Ну, если ты сам за штурвал встанешь... По нашим с тобой деньгам там только катамараны. Марго у меня, кстати, очень любит на них кататься...

– А номер у нее хороший?

– У нее даже не номер, а целое бунгало!

– Ого!

– Да, Леха, представь себе. Там, кроме главного корпуса, еще есть отдельные домики. Маленькие, но очень уютные. А какой с веранды чудный вид на реку открывается...

– Все, Голушко, хватит меня травить! Я тоже в «Эдельвейс» хочу. Хоть одним глазком взглянуть бы, как там что...

– Ладно, поеду Марго навещать – тебя с собой возьму.

– Заметано! – возликовал Леха.

Тут у Митрофана затренькал сотовый телефон. Взглянув на экран, он с улыбкой сказал:

– А вот и батя! Суток не прошло, как уехал, а уже зво-

нит...

– Соскучился.

– Как же – соскучился, – фыркнул Митрофан. – Контролирует! Как маленького... – И, нажав на кнопку приема, сказал в трубку: – Привет, папа, как рыбалка?

– Здорово, сын, – отозвался Василий Дмитриевич. – Да не очень, знаешь ли...

– Что так? Клев плохой? Хотя ты ж на сетку ловишь, так что...

– Мить, я тут труп нашел, – прервал его Базиль.

– Чей? – опешил Митрофан.

– Труп мужчины. Лет эдак сорока. Судя по всему, это отдыхающий из «Эдельвейса».

– И где ты его нашел?

– На катере, принадлежащем дому отдыха... – И добавил после паузы: – Высылай бригаду, похоже, его убили...

Базиль

Убрав телефон в карман, Базиль вновь посмотрел на покойника. Тот лежал со вскрытыми венами на запястье в наполненной водой ванне. Естественно, голый. Мускулистое, немного заплывшее жирком тело начало синеть, но Базиль хорошо рассмотрел на шее кровоподтек. Он запросто мог появиться после того, как «самоубийца», начав отключаться, уронил голову на край ванны, но Голушко не сомневался, что мужчина умер на— сильственной смертью. И у него были на то основания.

Базиль прибыл на речной островок вчерашним вечером. Пока разгрузил лодку, пока палатку разбил, пока сети поставил, уже и ночь пришла. Выпив пару стопок водочки и перекусив бутербродами с салом, Базиль улегся подремать прямо на свежем воздухе. Только уснул, как его разбудил нарастающий шум мощного лодочного мотора. Вскочив испуганно, Базиль бросился к реке, чтобы посмотреть, не рыбнадзор ли. Браконьеров нынче летом наказывали нещадно: штрафовали на несколько минимальных окладов и навсегда лишали членства в обществе «Охотник и рыболов». Базиль состоял в нем лет тридцать и не хотел лишиться своего билета, поскольку планировал по осени съездить к приятелю на Ветлугу, пострелять глухарей.

Спрятавшись в ветках пышного кустарника, Голушко стал

вглядываться в даль, туда, откуда в направлении острова двигался катер. Когда тот приблизился достаточно, чтобы можно было рассмотреть все в деталях, Базиль с облегчением выдохнул: не рыбнадзор! Всего лишь прогулочный катер: на борту большими буквами было написано: «Эдельвейс». Сначала он шел быстро, но потом замедлил скорость, а возле острова и вовсе остановился.

«Ну что за гадство такое! – выругался Базиль про себя. – Что им, других мест мало? Нашли куда причалить! Тут комарье злое, берег плохой, не купаешься. Да и природа никакая, одни кусты...»

Базиль, собственно, именно из-за них этот остров и облюбовал. В зарослях было удобно прятать свой «бивак» от того же рыбнадзора. А еще он был уверен, что тут его никто не потревожит, и вот поди ж ты...

Пока Базиль мысленно возмущался, катер легонько покачивался на воде. Голушко ждал, что сейчас на палубе зажгутся фонари, но ничуть не бывало. Однако уже светало, и он смог увидеть, что тот, кто управляет катером, все еще находится в рубке. Но находился он там недолго. Выключив приборы, человек покинул рубку и спрыгнул с палубы в воду. Именно спрыгнул, а не сошел, перекинув специальный мостик. После чего выбрался из реки на берег и, ни на секунду не останавливаясь, направился куда-то, ловко раздвигая ветки кустарника. Он прошел в каких-то тридцати сантиметрах от укрытия Базиля, но не заметил его. Что Голушко порадо-

вало. Но было и то, что его огорчило, а именно: на человеке оказался плащ-палатка, и ни лица, ни фигуры нельзя было рассмотреть. Кисти рук, высунутые из прорезей, и те были затянуты в перчатки, так что Базиль даже не мог сказать, мужчина это или женщина. Естественно, он больше склонялся к первому, но только потому, что слабо представлял себе даму, умеющую управлять катером, а главное, имеющую на это официальное разрешение...

Да и что представительнице прекрасного пола делать ночью на необитаемом острове?

«А с другой стороны, и мужику тут делать нечего, – сам себе возразил Базиль. – Если только рыбу ловить, но у человека с катера при себе не было никаких снастей... – Тут в голову пришла новая мысль: – А может, у него здесь тайная встреча? А что? Место самое подходящее для этого! А еще для того, чтобы тут что-нибудь спрятать... – Воображение разыгралось еще сильнее. – Или зарыть клад... Или труп! – Но здравый смысл не позволил Базилю развить тему. – Да нет, глупости! Тогда при человеке была бы лопата... Не палкой же он копать будет?»

Устав ломать голову над этим вопросом, Базиль вернулся к месту ночевки. Хотел еще немного подремать, но ему не спалось. Усевшись на перевернутое ведро, достал из сумки бутылку и, налив водки в стакан, залпом выпил. Голушко не был алкоголиком. Но выпить любил. Особенно на природе. А уж под ушицу с костра мог выкушать целую бутылку. По

его мнению, никакие омары с шампанским (а уж тем более сыр с плесенью и травяной отвар) не могли сравниться с этим нехитрым рыбацким угощением.

Мысль об ухе вызвала в желудке Базиля урчание. Заглушив его куском сала, Голушко подхватил свою надувную лодку и поволок ее к реке. Пришло время проверить сетки.

Сделав это, Базиль вернулся на берег. Разжег костер и стал чистить выловленную рыбу. Пока орудовал ножом, все на катер косился. То, что тот стоял тут брошенным уже несколько часов, казалось ему странным...

Базиль знал обо всех своих недостатках. И их было немало. Но главным он всегда считал любопытство. Кто бы знал, как он из-за него страдал! Многократно получал по «репе» – это раз, вляпывался в неприятные истории – два, выслушивал выговоры от Митрофана – это три, разочаровывался в своих женщинах – четыре.

И главное, с возрастом порок все чаще давал о себе знать. Обычно Базиль проявлял любопытство по отношению к сыну. Когда тот еще не был женат, старший Голушко то и дело подслушивал под дверью и просматривал личные вещи Мити, в надежде отыскать хоть одно доказательство того, что у «мальчика» существует личная жизнь (как оказалось, зря тешил себя этим – Митрофан жил одной работой). Когда сын женился, Василь Дмитрич несколько поубавил свой пыл, но все равно постоянно лез с расспросами то к нему, то к снохе, а если его любопытство не удовлетворялось, обижался.

Базиль понимал, это старческий заскок, как-никак ему уже семьдесят, ругал себя, пытался измениться, но все впустую.

«Что, старый дурень? – говорил он себе постоянно. Вот и сейчас его монолог не отличался оригинальностью. – Забыл про Варвару, которой нос на базаре оторвали? Опять лезешь куда не следует? – И тут же себе возразил: – А с другой стороны, есть мнение, что любопытство – не порок, а раз так...»

Базиль, решительно тряхнув седым чубом, забрался на борт катера.

– Есть кто живой? – зычно крикнул он, заглянув на лестницу, ведущую вниз, туда, где располагалась каюта. – Ау!

Ему никто не ответил, и Базилю ничего не оставалось, как спуститься.

В каюте никого не было, но следы недавнего пребывания человека присутствовали: объедки, пустые бутылки из-под пива, кроссовки с вложенными в них ношенными носками. Базиль бегло осмотрел помещение и шагнул к полуоткрытой двери в санузел. Едва он туда заглянул, как увидел покойника. В том, что лежавший в ванне мужчина мертв, не было сомнений. Поэтому Базиль сразу же выудил из кармана содовый телефон и набрал номер сына.

Сообщив о трупe, старший Голушко изучил место преступления (именно преступления, а не самоубийства) и самого покойника, еще раз уверился в своей правоте относительно насильственной смерти и вышел из санузла. Он собрался покинуть катер и дожидаться приезда милиции на све-

жем воздухе, но все то же любопытство заставило его задержаться в каюте. Базиль еще раз, уже более пристально, осмотрел ее, и тут внимание его привлек вырванный из блокнота тетрадный лист. Он лежал на кровати, и Голушко в первый раз не заметил его только потому, что не заострял внимания на таких мелочах, как валяющиеся бумажки (а их было немало: обертки от чипсов, чеки, рекламные буклеты и просто скомканные листы). Судя по всему, покойный особой аккуратностью не отличался. Либо просто привык, что за ним убирают, и не замечал такой ерунды, как разбросанные вещи или мусор. Базиля же беспорядок раздражал, поэтому он насилу поборол в себе желание навести чистоту и нагнулся над кроватью, чтобы прочесть, что написано на листке.

«Устал! Нет больше сил. Все как-то разом навалилось... Поэтому лучше уйти... Чтобы никого не мучить, в том числе и себя. В общем, в моей смерти прошу никого не винить. Эту долю я выбрал себе сам...»

Пробежав глазами по тексту еще пару раз, Базиль нахмурился. Если выяснится, что почерк принадлежит покойнику, то у милиции не будет никаких сомнений в том, что тот сам лишил себя жизни. Записка была написана неторопливо, это видно сразу: буквы ровные, строчки не скачут, все знаки препинания расставлены, да еще многоточия эти... Разве будет человек, взявшийся писать предсмертную записку под давлением, как сейчас принято говорить, заморачиваться?

«Вот то-то и оно, – вздохнул Базиль. – Но я-то точно знаю,

что на катере был еще один человек, который покинул борт где-то в районе пяти часов утра... Так что если эксперт скажет, что смерть наступила до этого времени, выйдет, что человек в плаще вполне может быть убийцей... Если же позже, то... – Базиль, привыкший доверять своему нюху на преступления, упрямо добавил: – То тогда парня довели до самоубийства! А это, между прочим, тоже статья!»

Сделав этот вывод, Голушко шагнул на лестницу, забрался по ней наверх, вышел на палубу, а затем спрыгнул на берег. Он решил развести костер и согреть воды для чая. Когда Митя с коллегами приедет, не до этого будет, а поесть надо обязательно. Базиль был твердо уверен, что энергия на весь день берется от плотного завтрака. Он всегда употреблял по утрам либо яичницу, либо гору бутербродов. Когда же не было ни яиц, ни колбасы, ни сыра, ни любимого сала, которое Базиль обожал вкушать с бородинским хлебушком, он мог и вчерашнего супчика накрутить. Не то что сын! Митя выпивал чашку пустого чая и бежал на работу, прихватив с собой ломтик мерзкого бри и десяток постных крекеров. Уж как его Базиль ругал, как заставлял по-человечески поесть, а все без толку. И, главное, сноха в этом вопросе встала не на его сторону. Сказала: «Отстань от него, пусть питается так, как ему нравится». Предательница!

Пока Голушко разводил костер, прошло минут десять. Базиль взгромоздил котелок на огонь и принялся готовить себе нехитрые бутерброды с ливерной колбасой и паштетом. Со-

орудив пяток, он решил сварганить еще столько же, на случай, если Митя не успел позавтракать и его нужно будет покормить. Но не успел Базиль сделать и пары, как ожил его сотовый. Звонил сын, Голушко быстро вытер руки о штаны и взял телефон в руку.

– Пап, твоя помощь нужна! – услышал он сразу после того, как нажал на кнопку зеленой трубки. – Мы стоим на берегу, не знаем, как переправиться к тебе на остров. Лодку обещали дать, но неизвестно когда...

Базиль встал во весь рост и, приложив ладонь ко лбу, посмотрел на противоположный берег. Там действительно стояли люди, четверо, кажется. А чуть позади – автомобиль «УАЗ».

– Это вы там? – решил уточнить Базиль. – Возле «козла»?

– Мы, – ответил Митрофан и помахал рукой. – Приплывешь за нами?

– Ну что с вами поделаешь... Приплыву!

– Лодка выдержит?

– Сразу четверых пассажиров нет... Буду по двое возить... Сначала тебя с Лехой, потом остальных... Кстати, кто там с тобой?

– Ротшильд и Зарубин, – ответил Митя, имея в виду судмедэксперта и фотографа. – Ну, все, пап, ждем, – бросил он напоследок и отсоединился.

Базиль убрал телефон, встал. С сожалением посмотрев на закипевшую воду и горку бутербродов, вздохнул и отпра-

вился к лодке. Спустив ее на воду, Базиль погреб к берегу. В свои семьдесят Голушко находился в отличной физической форме, не прилагая к этому никаких усилий. Базиль всю жизнь пил, курил, ел только то, что Митрофан называл «холестеринowym ударом по здоровью», а спортом не занимался совсем. Правда, был очень активным. Постоянно выбирался то на рыбалку, то за грибами, то просто погулять по лесу. То и дело что-нибудь чинил, мастерил. А еще защищал женщин от хулиганов, снимал котят с деревьев, отбивал собак у живодеров и носил сломавших каблук девушек на руках. Поэтому перебраться через реку на веслах для Базиля не составляло труда. Быстро преодолев расстояние до берега, Голушко махнул Митрофану рукой.

– Забирайся давай! – скомандовал он. – И ты, Леха, прыгай!

– Я потом, – буркнул Смирнов. – Во второй заход... – И так красноречиво посмотрел на Ротшильда, что Базилю сразу стало ясно, что склочный судмедэксперт возжелал переправляться в авангарде. – Хотя не знаю уж, как ваша, Василь Дмитрич, лодка выдержит такую массу...

– А она и не выдержит, – сказал тот, смерив оценивающим взором сначала высоченного Митрофана, затем такого же крупного, широкозадого Ротшильда и прикинув их суммарный вес. – Так что, Леха, ты запрыгивай, иначе ко дну пойдем.

Смирнов с довольной миной забрался в лодку. Митрофан

последовал за ним. Неуклюже шагнув через резиновый борт, он плюхнулся на лавочку. Хотя сын в последнее время и стал гораздо стройнее, грациозности в его движениях не прибавилось. Как был неповоротливым, так и остался. И, похоже, все так же боится воды – вон как опасливо за борт смотрит.

– Не перевернемся, не бойсь, – успокоил его Базиль. – А пока плывем, я вам расскажу, что ночью видел... – И он стал вводить ребят в курс дела.

Уложился Базиль в две минуты. И ровно столько же времени потребовалось на переправу. Высадив Митю и Леху, он вернулся за Ротшильдом и Зарубиным. Последний, молодой, кудлатый, похожий на старого сенбернара, сразу стал расспрашивать Голушко о том, что произошло, и тот с энтузиазмом исполнил на бис историю о человеке в плаще, брошенном катере и труп в ванне. Фотограф выслушал ее с огромным интересом, тогда как медэксперт делал вид, что его больше занимают покачивающиеся на воде кувшинки.

Когда Голушко догреб до острова, первым из лодки выбрался Зарубин. А вот Ротшильд не двинулся с места, пока Базиль не подтолкнул ее к самому берегу. Базиль вслед ему осуждающе покачал головой. Он терпеть не мог людей, подобных судмедэксперту: высокомерных, склочных, неуживчивых, – и удивлялся, как Митя умудряется его терпеть столько лет. Сам он давно бы ему «рога пообломал», но что с него, бывшего зэка, взять?

– Папа, – слышалось с палубы, – можно тебя на минут-

ку?

Базиль торопливо втащил лодку на берег и взобрался на катер. Он решил, что сын хочет вместе с ним осмотреть место преступления, а возможно, спросить его совета, но, оказалось, он жестоко ошибся. Митя звал его не за этим.

– Ты не отлучайся пока, хорошо? – сказал он, преграждая отцу путь к лестнице, по которой уже все, кроме Митрофана, спустились вниз. – Я тут недолго пробуду. Только взгляд брошу, и все... Минут через десять отвезешь меня обратно?

– Куда обратно?

– На ту сторону. Меня там машина ждет. Поеду в «Эдельвейс».

– Хорошо, – буркнул Базиль и сошел по мостику на берег.

На сына он, конечно, обиделся, но не подал виду, чтоб опять не получить от Митрофана нагоняй за любопытство. Но поскольку ничего с ним, с любопытством своим, поделаться не мог, то, вместо того чтоб пойти позавтракать бутербродами, двинул к кусту, за которым не так давно прятался, и стал исследовать пространство вокруг него. «Итак, на этом месте я стоял, – рассуждал про себя Базиль, – вон в траве фантик валяется от карамельки, которую я съел. Тогда человек в плаще проходил здесь... – Голушко уселся на корточки и стал внимательно изучать поросшую густой травой землю. – Вроде примята немного... Или мне только кажется?»

Базиль встал и огляделся. Он примерно помнил, в каком направлении ушел незнакомец, и решил попробовать

повторить его путь. Раздвинув руками кусты, Василий Дмитрич сделал несколько шагов вперед. Оказалось, что дальше есть пусть узкая, но тропка, и идти стало совсем легко. Проществовав по ней метров двадцать, Базиль остановился. Он увидел, что в траве что-то белеет. Голушко наклонился и поднял с земли две половинки разорванной игральной карты. Карта была хоть и сырая, но яркая. Как будто из совершенно новой колоды. И изображен на ней был король пик.

В находке не было ничего особенного (мало ли кто ее тут бросил?), но Базиль почему-то, взяв ее в руки, сильно разволновался. Все то же чутье подсказывало ему, что карту выкинул человек в плаще и она что-то символизирует...

«Положу обратно, – решил Базиль, – чтоб Митины ребята нашли. Ведь они тоже будут остров прочесывать...»

С этой мыслью Базиль вернул разорванную карту на то место, где нашел, и пошел дальше. Впереди поблескивала гладь реки. Голушко, продравшись через ивняк, вышел к воде. Здесь берег оказался гораздо хуже, чем в том месте, где причаливал он, зато был песчаным. И на влажном песке явственно виднелся отпечаток подошвы болотного сапога. Больше никаких следов не наблюдалось. Только под ивовым кустом была сильно примята трава. Как будто там долго что-то лежало...

«Лодка, – осенило Базиля. – Незнакомец в плащ-палатке заранее пригнал сюда лодку и спрятал ее в кустах. Убив парня из «Эдельвейса», он пересек остров, спустил свое пла-

средство на воду и был таков...»

Придя к этому выводу, Базиль приложил ладонь ко лбу и посмотрел на безмятежную гладь реки. Куда именно поплыл незнакомец, сев в лодку, можно было только гадать. «Как жаль, что на воде не остается следов, – подумалось Базилю. – Тогда Митя смог бы проследить его путь... А так – он даже не узнает, к какому берегу погреб человек в плащпалатке: к правому или левому... Одно знаю точно, он сейчас далеко отсюда».

Габриель

Базиль не ошибся – человек в плащ-палатке был в это время далеко от острова. Покинув его, он проплыл по реке несколько километров, выбрался на берег, сдул резиновую лодку, сунул ее в заранее припасенный мешок. Туда же отправились болотные сапоги. Вместо них он обулся в вынутые из огромных карманов рыбацких штанов кеды. Закинув мешок за плечо, человек пустился в пеший поход. Преодолев еще два километра, он достиг предпоследнего пункта своего назначения – высокого забора, ограждающего территорию дома отдыха «Эдельвейс».

Человека, мысли о котором в это самое время не давали покоя Базилю, звали Габриелем. Это имя он дал себе сам. В паспорте же у него значилось совсем другое. Не такое звучное. Его он не любил. А вот имя Габриель (древнееврейское) нравилось ему чрезвычайно. «Сила моя – в боге», вот каково было его значение. Символом же имени Габриель была крапива, которая, как известно, обжигает, и это тоже ему импонировало...

Габриель стянул с себя плащ, аккуратно скрутил его и положил туда же, куда спрятал мешок с лодкой и болотными сапогами: под мощный корень вековой сосны, росшей у забора «Эдельвейса». Это был его тайник. Туда помещалось много полезных вещей, например набор инструментов, сме-

на одежды, оружие (или то, что можно было использовать в качестве его – Габриель не пользовался ни огнестрельным, ни холодным), бинокль, резиновые сапоги и самый важный предмет – перчатки. Без них он не мог выйти «на дело», поскольку у милиции не должно появиться ни единого сомнения в том, что жертвы Габриеля покончили жизнь самоубийством. В этом был весь смысл! Для этого он так старался. Следил за будущей жертвой, узнавал ее привычки, распорядок дня, предугадывал планы, изучал номер, где та обитала, присматривался к тем, с кем она общается, а после суммировал полученную информацию и разрабатывал план идеального убийства...

Раздевшись и уложив вещи в тайник, Габриель шагнул к забору и, нащупав руками нужный кусок дерна, убрал его в сторону. Под ним оказалась большая, обложенная целлофаном яма. Это был ход. Габриель специально выстелил его пленкой, чтобы не пачкать одежду. Он терпеть не мог грязь.

Пробравшись по подземному ходу (на деле это был просто лаз длиной в два метра) на территорию дома отдыха, Габриель посмотрел на часы. Они показывали половину девятого. В этот час уже кое-кто встал и сейчас либо бегал по аллеям парка, либо делал зарядку на своей террасе. Основная масса отдыхающих пока спала. Завтрак начинался в десять, и люди не спешили подниматься со своих удобных кроватей. Та жертва, которую Габриель должен был сегодня убить, точно еще не встала. Хотя он не мог знать этого доподлинно, про-

сто предполагал. Его новая жертва приехала в «Эдельвейс» только вчера, и Габриель не успел ничего о ней узнать. Но он видел ее, и ему стало ясно, что девушка не относится к разряду спортсменок, тем более бегуний. Она и ходила-то медленно, немного вразвалочку. Возможно, у нее была когда-то травма ног. А может, врожденный вывих бедра...

Габриель шагнул к бунгалу и заглянул в окно. Благодаря тому, что шторы были не задернуты, он смог рассмотреть и обстановку спальни, и кровать, и лежащую на ней девушку. Она была прекрасна! Тонкое, нежное личико. По-детски приоткрытый целомудренный рот. Длинные ресницы, тень от которых лежит на пухлых щечках. Русые волосы до плеч. Бархатные плечи... Тело прикрыто простыней. Девушка спит на боку, положив ладошки под подушку. Спит крепко, что говорит о том, что совесть у нее чиста...

«Какая необыкновенная девушка, – подумал Габриель умильно. – Чистый ангел... – И впервые в его мыслях появилось сожаление. – Я не хочу ее убивать, – пронеслось в голове Габриеля. Но он тут же взял себя в руки и скомандовал себе: – Перестань ныть. Ты должен выполнить свой долг. А раз так, она умрет... – И вновь дал слабину: – Только не сейчас. Пусть еще поживет... Я умерщвлю ее в самом конце. А пока займусь прыщавым юнцом, который стоит последним в списке. Его не жаль! Избалованный, ограниченный, слабый. Судя по дорогим тряпкам, сынок какого-нибудь богатея... Таких, как он, крысят душить надо! Потому что толку от них

нет никакого! Вот взять хотя бы того прыщавого... Окончит институт, папенька пристроит его на какое-нибудь тепленькое местечко, и будет этот безвольный, дурной, некомпетентный человечиска делать вид, что работает. И, главное, никто его не уволит, потому что отец – большая шишка! А еще парень женится на какой-нибудь милой, но бедной девушке... Возможно, такой, как та, что сейчас спит в бунгало, положив ладошки под подушку... И испортит ей жизнь. А какие от него получатся дети! Еще хуже, чем он сам... – И Габриель решил: – Он определенно должен умереть сегодня!»

Приняв это решение, он улыбнулся спящей девушке и, развернувшись, зашагал к корпусу, где жил. До завтрака оставалось всего ничего, а ему еще нужно успеть сделать пробежку по аллейке: и для здоровья полезно, и имиджа своего не стоит разрушать – он всем отрекомендовался как любитель утренних кроссов.

Габриель сделал несколько глубоких вдохов и, выйдя на то место, откуда обычно все начинают утреннюю пробежку, пустился трусцой.

В это время телефон Марго, лежащий на прикроватной тумбочке, разразился бодрой мелодией. Это сработал заведенный на восемь сорок пять будильник. Услышав сигнал, Марго наморщила нос, вытащила руки из-под подушки, потеряла все еще закрытые глаза и разлепила веки.

Марго

Проснувшись, она прислушалась к своим ощущениям и отметила, что чувствует себя прекрасно. Давно она не вставала с таким удивительным ощущением полного довольства жизнью. У нее ничего не болело, ее не мутило, изжога не мучила, спина не ныла, а ее вечный спутник – зверский аппетит – не раздирал желудок, а всего лишь ненавязчиво напоминал о том, что скоро завтрак...

«Видимо, это от речного простора и свежего воздуха, – сделала вывод Марго. – В городе я задыхалась от выхлопных газов, духоты. Злилась на суетливый люд. Реагировала на раздражающие шумы. Плохо спала... А тут такая благодать!»

Марго с наслаждением потянулась и встала с постели. Босиком прошлепав по теплomu полу в ванную, стала умываться. На раковине стояли всевозможные флакончики с жидким мылом, шампунями, ополаскивателями, гелями для душа, но ничем этим Марго не пользовалась. С давних пор она была поклонницей народных средств ухода за внешностью и покупной косметике предпочитала самодельные травяные отвары. Ванну принимала с чистотелом, лицо протирала отваром ромашки, волосы ополаскивала крапивой, а мылась самым обычным детским мылом.

Приведя себя в порядок, Марго вернулась в комнату, от-

крыла холодильник, достала коробку сока и направилась с ней по винтовой лестнице на второй этаж, чтобы выйти на балкон. Вид оттуда открывался изумительный! Перед глазами и далекий лес на соседнем берегу, и река, и причал. А если свесить голову вниз, то можно увидеть, как по тенистой липовой алее трусят любители утренних кроссов. Сейчас, например, на ней было сразу трое бегунов. И одного из них Марго знала. Это был Сережа, ее сосед по столу, приехавший в «Эдельвейс» с супругой. Вчера за ужином он объявил всем, что вернется к забытой в последнее время привычке бегать по утрам, и вот, видимо, решил свое слово сдержать. Давалось ему это с большим трудом! Сережа передвигался еле-еле, сильно потел и задыхаясь. Что говорило о том, что привычка бегать была забыта не в последнее время, а очень и очень давно...

Улыбнувшись своим мыслям, Марго допила сок. Постояла немного, подставляя лицо ласковому ветерку, и вернулась в дом. Сменила халат на платье. Включила телевизор и стала смотреть мультфильмы. Показывали «Ну, погоди!». Марго знала все серии наизусть, но все равно не могла оторваться. Точно так же, как не могла оторваться, к примеру, от «Красотки» или «Бриллиантовой руки». Муж ее в этом не понимал. Он считал, что, когда знаешь, чем все кончится, смотреть неинтересно. А вот Марго придерживалась другого мнения. Переживать приятные моменты можно бесконечное количество раз, ведь так? Не случайно же мы постоянно

воскрешаем в памяти самые радужные события! Все равно что любимое кино смотрим...

– Риту-уля! – услышала Марго через дверь пронзительный голос обитательницы соседнего бунгало Инессы. – Вы проснулись?

– Да, да, иду, – откликнулась Марго. Она просила соседку не называть ее Ритой, но та словно не слышала. – Секунду!

Вырубив телевизор и схватив шаль, которой накрывала плечи от ветра, Марго выскочила за дверь.

Инесса ждала ее, сидя на подвешенных к балке веранды качелях. Это была женщина лет сорока, рыхловатая, белокожая, миловидная. Ее светлые волосы были уложены в замысловатый пучок на макушке, лицо тщательно подкрашено, а полные ноги втиснуты в узкие туфли на каблуках. Инесса очень за собой следила, считая, что просто обязана хорошо выглядеть, поскольку является известным человеком (она вела «Книжное обозрение» на региональном телевидении). Тот факт, что за то время, пока она пробыла в «Эдельвейсе», ее ни разу никто не узнал, Инессу не останавливал. Она очень гордилась тем, что работает на телевидении, и не уставала всем об этом сообщать. Еще она писала стихи и вполне прилично пела романсы. Была одинока, впечатлительна и не по возрасту романтична.

– Доброе утро, – поздоровалась она с Марго. – Как вам спалось?

– Прекрасно, – ответила та после приветственного кив-

ка. – Я тут сплю как убитая...

– Завидую вам белой завистью! – воскликнула Инесса, слезая с качелей, подхватила Марго под руку и увлекла ее по аллее в сторону главного корпуса, в котором располагалась столовая. – Я вот страдаю бессонницей. Думала, хоть тут, на свежем воздухе, ситуация изменится, ан нет. Часа на три отключаюсь, а потом хоть глаз коли...

– Вы бы снотворное попробовали...

– Попробовала один раз, так в больницу угодила с отеком легкого. Аллергия у меня на него оказалась. А народные средства, типа луковицы под подушкой или стакана теплого молока перед сном, увы, не помогают...

Инесса собиралась развить тему (о своей бессоннице она говорила почти так же много, как о работе на телевидении), но тут увидела, что к крыльцу главного корпуса подкатывает милицейский «уазик», и обеспокоенно пробормотала:

– Этого еще не хватало! Милиция зачем-то прикатила... – И, испуганно посмотрев на Марго, спросила: – Уж не случилось ли чего?

– Да нет, скорее всего, – ответила та, узнав машину. – Думаю, это мой муж решил воспользоваться казенным транспортом в личных целях...

Мысль ее нашла подтверждение в следующую минуту, когда из салона показалась лысая голова Митрофана. Вообще-то супруг собирался приехать к ней только через три дня, но, зная, как он за нее переживает, Марго не удивилась, уви-

дев его в «Эдельвейсе» уже сейчас. Единственное, что вызвало у нее недоумение, – это то, что явился он не один, а в компании стажера Славика. Был бы с ним Леха Смирнов, еще ладно, но юному оперативнику Митрофан пока в дружбе отказывал...

– Ритуля, – окликнула Инесса засмотревшуюся на мужа Марго, – который из троих (хотя нет, двоих, шофер не в счет) твой супруг?

– Тот, что высокий.

– Симпатичный, – проговорила та после паузы. Было ясно – она кривит душой, но Марго уже перестала обращать внимание на то, что все считали Митрофана недостойным такой молодой и красивой супруги, как она. Инесса не была исключением. По ее мнению, с хорошеньким Славиком Марго составила бы более гармоничную пару. – А почему он не один приехал, а с компанией?

– Сейчас узнаем, – сказала Марго и, высвободив свой локоть из цепких пальцев Инессы, направилась к Митрофану.

Тот стоял к ней спиной и о чем-то разговаривал с водителем «уазика», поэтому приближения супруги не заметил. Она же, подойдя, встала на цыпочки и чмокнула его в шею (выше она не дотягивалась). Митрофан вздрогнул и обернулся.

– Привет, – поздоровалась Марго и вновь попыталась его чмокнуть, но супруг, покраснев от смущения, придержал ее за плечо и шепотом сказал:

– Не надо, я при исполнении.

– А я думала, ты приехал меня навестить...

– Я приехал тебя забрать. В том числе...

– Как забрать? Почему?

Он не ответил. Вместо этого спросил невпопад:

– Ты не знакома с Сидоровым Геннадием Олеговичем?

Секунду подумав, Марго покачала головой.

– Крепыш среднего роста... Бритый. На предплечье татуировка.

– Да не знаю я такого! А что, должна?

– Он тоже тут отдыхал... Я думал, ты могла с ним в столовой, например, познакомиться... Ты ж у меня барышня общительная, – и он красноречиво посмотрел на Инессу, усевшуюся на лавку, чтобы подождать Марго.

– Эта женщина живет в соседнем бунгало, с ней я, естественно, познакомилась. Еще знаю тех, кто со мной за столиком сидит. Больше никого. Я здесь еще только сутки пробыла.

– А она? – спросил Митрофан, указав подбородком на Инессу.

– Она приехала на день раньше. Тут вообще-то заезд был в субботу. Основная масса прибыла в «Эдельвейс» именно тогда.

– Не могла бы ты позвать свою подружку для разговора?

– Могла бы. Но только после того, как ты мне скажешь, что случилось... – Она испытующе посмотрела на супруга: –

Кого-то убили, я правильно поняла?

– Тот, о ком я тебя спросил, мертв. Его труп обнаружили два часа назад на принадлежащем дому отдыха катере. Пока точная картина происшествия не ясна, но на первый взгляд – явное самоубийство. Даже записка предсмертная имеется...

– Но есть сомнения, да?

– Свидетель утверждает, что... – Он не договорил, поскольку к нему подлетел худой, загорелый до черноты мужчина (Марго уже дважды его видела: вчера он катал детей на скутере, а сегодня совершал пробежку по аллее) и стал возмущенно восклицать:

– Товарищ милиционер, вы мне точно скажите, когда вернете катер! Он, между прочим, больших денег стоит, и я за него отвечаю! Если с ним что-нибудь случится, я до пенсии буду работать за «спасибо», потому что вся моя зарплата пойдет на то, чтобы покрыть убытки...

– Не волнуйтесь, катер вам вернут в целостности и сохранности сразу после того, как мы проведем его тщательный осмотр.

– Да сколько ж можно? У меня уже два клиента своей очереди на аренду ждут, а вы все...

– Сколько понадобится, столько и будем осматривать, – отбрил его Митрофан и, кивнув Марго, зашагал к лавочке, на которой сидела Инесса. Та, увидев его приближение, привстала, всем своим видом показывая, что готова помогать следствию, хотя на деле, как показалось Голушко, ей бы-

ло просто любопытно узнать, что произошло.

– Здравствуйте, – поприветствовал Инессу Митрофан. – Я старший следователь Голушко. А вы?..

– Инесса Максимовна Милова, – отрекомендовалась та. – Чем могу служить?

– Ответите на пару вопросов? – Инесса кивнула. – Вы знали гражданина Сидорова Геннадия Олеговича? Хотя о чем это я... – Он полез в карман штанов, достал полароидный снимок и протянул Инессе. Когда Марго тоже попыталась на него взглянуть, Митрофан не дал ей этого сделать, объяснив свое нежелание показывать жене фотографию так: – Там покойник снят, а тебе в твоём положении ни к чему сейчас всякие ужасы видеть! – И, не слушая заверений Марго в том, что вид мертвеца никак не повлияет на течение ее беременности, обратился к Миловой: – Так что, Инесса Максимовна, узнаете этого господина?

– Да, узнаю, – ответила та слабым голосом и поспешно отдала снимок Митрофану, чтоб больше не видеть запечатленного на нем мертвеца – Инесса ужасно боялась покойников. – Он сидел в столовой за соседним столиком... Я даже пыталась с ним заговорить, когда мы столкнулись в фойе, но он на контакт не пошел.

– Почему, как считаете? Был по жизни нелюдимым человеком или же просто в тот момент находился не в лучшем расположении духа?

– Скорее последнее. Дело в том, что мы приехали в

«Эдельвейс» почти одновременно. Я на такси, а покойник... – Она сконфузилась и поправилась: – В смысле будущий покойник... В общем, господин с фото...

– Геннадий Сидоров.

– Да, Геннадий Сидоров. Так вот, его привезли друзья на огромном джипе. Их было трое. Все, кроме водителя, податые, веселые. Балагурили, гонялись друг за другом, как дети, даже на каруселях покатались. И Геннадий не отставал от остальных, так что...

– Когда же изменилось его поведение?

– Да на следующий же день. На завтрак он пришел хмурый. Я решила, что у него похмелье, но потом смотрю – он пьет пиво, затем с фляжкой коньяка его на балконе заметила. Короче говоря, здоровье он свое точно поправил, но веселее не стал. В обед почти ничего не ел. Поковырялся в тарелке (у нас тут кормят как в первоклассных ресторанах) минут десять и к себе пошел. Мужики его в бильярд играть звали, в волейбол, а он только головой мотнул...

– Больше вы его не видели?

– Почему же? Видела еще один раз... Уже вечером.

– Вчера?

– Да, вчера вечером, – терпеливо повторила Инесса. – Если не сказать ночью. У меня с балкона открывается прекрасный вид на реку и причал. Там посидеть – одно удовольствие. Чайку попить, подумать, помечтать... А какие стихи на ум идут, когда такая благодать перед глазами!

– Можно ближе к делу, Инесса Максимовна?

– Я как раз к тому и веду, – обиженно буркнула она. – Я сидела на балконе. Время было около полуночи. Смотрю, Геннадий этот к причалу идет. У нас прокат круглосуточный, и плавсредства можно арендовать в любое время. Вот он как раз это сделать и решил. Я видела, как он подошел к одному из катеров, осмотрел его, а потом двинулся в будку, где прокатчики сидят.

– Он сразу отплыл?

– Нет. Минут через двадцать. Когда вышел из будки, направился не к катеру, а к корпусу. Наверное, теплые вещи решил взять – ночью тут прохладно. Я, кстати, тоже замерзла на балконе, поэтому зашла в дом, оделась потеплее, чай заварила. Когда вновь вышла на балкон, Геннадий уже забирался на борт.

– Он был один?

– Да.

– Вы уверены?

– Конечно, уверена.

– А пока он ходил за теплыми вещами, как думаете, никто не мог забраться на катер незамеченным?

Инесса на мгновение задумалась, после чего неуверенно проговорила:

– Да нет, скорее всего... Хотя... – Она опять погрузилась в размышления и на сей раз молчала, насупив свои тщательно нарисованные брови, гораздо дольше. – В принципе, мог

бы. Тот катер, который Геннадий выбрал, был последним в ряду и находился в близком соседстве с сараем для инвентаря. Тень от его крыши падала на левый борт, и в этой тени мог спрятаться кто угодно...

– Что ж, спасибо, Инесса Максимовна, вы нам очень помогли...

Милова с достоинством кивнула. По лицу было видно, что ей хотелось расспросить старшего следователя о происшествии, но она не решилась. Марго замечала, что ее супруга многие побаиваются, уж очень суровый был у него вид. Вместо этого Инесса обратилась к Марго:

– Ритуля, вы идете на завтрак?

– Идет, – ответил за нее Митрофан. – А сразу после еды собирает вещи и едет со мной в город...

– Что за глупости? – нахмурилась Марго. – С чего бы это мне отсюда уезжать?

– С того, что я так сказал! – рыкнул муж.

Возглас Митрофана так напугал Инессу, что она вздрогнула всем телом и стала пятиться к столовой. Марго же, улыбнувшись, возразила:

– Никуда я не поеду.

– Еще как поедешь! В этом чертовом доме отдыха творится невесть что, ты не можешь тут оставаться! – И, видя, что его слова не произвели особого впечатления на супругу, добавил более мрачно: – Одного из отдыхающих убили, хочешь стать следующей?

– Ну, во-первых, ты сам говорил, что картина происшествия еще не ясна, а во-вторых, даже если смерть Геннадия была насильственной, то я очень сомневаюсь в намерении убийцы искоренить всех отдыхающих «Эдельвейса»...

– Да ты пойми, я беспокоюсь не только за твою жизнь, но и за здоровье! Тебе нервничать нельзя и все такое...

– Мить, я себя никогда так хорошо не чувствовала. В кои-то веки у меня ничего не болит. И сплю на удивление хорошо... – Она легонько погладила его по руке. – Можно, я останусь, а?

Митрофан, шумно выдохнув в усы, проворчал:

– Ладно уж, оставайся пока. Но как только у меня появится хоть одно неоспоримое доказательство того, что Сидорова убили, заберу тебя, ясно?

Марго кротко кивнула.

– А теперь дуй в столовую! Тебе витамины нужны, а у вас тут, насколько мне известно, на завтрак свежесжатые соки дают.

– Нам здесь чего только не дают, – подхватила Марго. – И икру, и семгу, и коктейли из морепродуктов, и муссы фруктовые, и твой любимый бри... Хочешь, я чего-нибудь тебе принесу?

– Еще не хватало беременную жену объедать...

– В меня все равно завтрак целиком не влезет. Я тут даже есть меньше стала...

Но Митрофан ее уже не слушал, его схватил за руку ста-

жер Славик и стал что-то взахлеб рассказывать. Марго, помахав мужу рукой, отправилась в столовую.

Когда она вошла в помещение, почти все присутствующие уже доедали десерт. Марго прошествовала к своему столику, поздоровалась с соседями. Компанию ей, кроме Сергея и его супруги Кати, составлял еще молодой человек по имени Петр. Первые были деловыми людьми, имели свой семейный бизнес, а второй учился в университете. Кажется, на третьем курсе. Парень был очень странным: то сумрачно молчал, то трещал без умолку, сопровождая свою глупую болтовню диким смехом. Внешний вид его тоже вводил Марго в ступор, хотя ее трудно было удивить, поскольку полтора последних года она работала в школе и привыкла к подросткам всякого вида. Кого среди ее учеников только не было! И металлисты, и панки, и нацы, и рэперы. В последнее время появилось много готов и эмо. Среди школьников стало модным рядиться в темное, иметь бледный вид и рассуждать о смерти. Петр был из таких. При этом Марго не могла понять, к какому течению он принадлежит. Парень носил черные одежды и серебряные украшения, как гот, и косую челку и значки, как эмо. То ли все не мог определиться, то ли просто не вникал в тонкости. Хотя в его возрасте пора было сделать и то и другое, все ж не шестиклассник сопливый, а студент. Но Петра для своего возраста был слишком инфантилен. Насколько Марго успела узнать, у него был очень богатый и влиятельный отец, и отпрыска, судя по всему, просто перебаловали.

– Вы слышали? – вскричал Петр, стоило Марго опуститься на стул. – Слышали, что случилось?

– Вы, Петр, о чем? – переспросила она, прекрасно понимая, что именно привело парня в такое возбужденное состояние.

– Да вы че, не в курсах?! У нас тут чувак один ночью вены вскрыл!

От его вопля Катя поежилась, а Сергей наморщил свой костистый нос и проговорил:

– Кошмар какой-то, я ведь его довольно хорошо знал!

– Да, – подхватила его супруга. – Сидоров был самым крупным поставщиком офисной оргтехники. Практически монополистом. Мы с ним сотрудничали. Естественно, и вне работы иной раз пересекались. На балу у губернатора, например. Или на вручении наград «Предприниматель года». Он, между прочим, дважды выигрывал...

– Непонятно тогда, зачем столь успешному человеку кончать жизнь самоубийством, – пробормотала Марго.

Сергей только собрался ответить, как его перебил Петр.

– Люди так ограничены! – вскричал он и шарахнул чайной ложкой, которой ковырялся в суфле, об пол. Его худые руки, торчавшие из широких рукавов футболки, как два карандаша из стакана, ходили ходуном. – Они думают, что желать себе смерти могут только неудачники!

– А разве нет? – опасливо покосившись на него, спросила Катя.

– Конечно же, нет! Что хорошего в этом мире? Кругом одна грязь и жестокость! И люди все мразь... – Он так покраснелся, что прыщи на его лице стали менее заметными. – Как говорится, весь мир бардак... Остановите землю, я сойду!

– Нет, ну зачем же так категорично, – зачем-то вступила в спор Марго. – Люди все разные... Да и, кроме грязи, в этом мире существуют другие вещи... Дружба, например, или любовь...

– Все это самообман! Ни дружбы, ни любви не бывает! Это все сказочки!

– Петя, ты пока очень молод, а жизнь длинная, и ты еще встретишь хороших, искренних людей...

Он не дослушал. Тряхнув своими сальными волосами, вскричал:

– Как же я ненавижу эту жизнь! И как завидую тому чуваку, что осмелился покинуть ее! – И он с увлажнившимися глазами выскочил из-за стола и убежал, смешно подбрасывая острые коленки.

– Какой нервный парень, – проворчала ему вслед Катя. – А отец у него точно робот. Никаких эмоций. Да и мама... Вся из себя леди.

– Вы знаете Петиных родителей? – любопытствовала Марго.

– А вы разве нет? Странно... Отец его —главный архитектор нашего города, Олег Павлович Синицын. У матери нотариальная контора. Любое строительство, которое вы за-

теяли, должно быть одобрено Петиним отцом, а сделки заверены его матерью.

– Бабки лопатой гребут, – подключился Сергей. – Да и не только их... Жадные очень. Я слышал, что Петин отец за то, что одобрил проект торгового центра, который не вписывался в общую архитектуру, получил «Ауди А6». И по фигу, что у него есть «Q7», машинка стоимостью полтора лимона никогда не помешает...

– В общем, не до сына им, – перехватила инициативу Катя. – Откупятся от мальчишки навороченным сотовым, мотоциклом или поездкой вот сюда... А его к психиатру надо было водить... С детства.

– Пороть его надо было, – возразил муж.

– Ребенок и так ласки не видел, а ты – пороть! – Катя вздохнула. – Мне Петю, честно признаться, жаль... Парню двадцать лет, возраст замечательный, в самый раз влюбляться, хулиганить, жить на полную катушку, а он только о смерти думает...

– У них сейчас это модно, не обращай внимания, – перебил ее Сергей. – Поболтает и перестанет! А вот то, что Сидоров вены вскрыл, это да... Неожиданно!

– А я не удивляюсь. Сам же говорил, что у него неприятности какие-то с ОБЭПом начались.

– Ну и что – неприятности? У кого их не бывает? Нас вот с тобой год назад на какие бабки налоговики опрокинули, и что? Оклемались и дальше живем...

– У всех психика разная, – как всегда, нашлась что возразить Катя. – К тому же мы с тобой друг друга поддерживали, а у Сидорова жена – сикушка малолетняя. Одни тряпки на уме да фитнес...

– А еще стриптизеры да манекенщики, – хохотнул Сергей. – Весь город знает, что Генка с рогами ходит...

– Слушай, Сережа, а что, если это до Генки дошло, вот он и?.. – Катя чиркнула своим длинным ногтем по запястью.

– Чтоб Сидоров из-за бабы вены себе порезал?.. Не... Не верю!

– А вот я слышала одну историю...

И Катя стала захлеб рассказывать о любовной драме знакомого своего знакомого, которую Марго решила пропустить мимо ушей. Сплетни о покойном Геннадии она выслушала с пристальным вниманием, чтобы пересказать их мужу, личные же истории посторонних ее не волновали вовсе. Отключив слух, Марго принялась за завтрак. Пока ела вкуснейшие оладушки, вспоминала все, что узнала о Сидорове, и размышляла о том, что проблемы с ОБЭПом вкупе с крахом личной жизни вполне могли привести человека к самоубийству. Коль Сидоров приехал в «Эдельвейс» один, без супруги, значит, у них действительно что-то разладилось...

За этими думами Марго не заметила, как подчистила весь свой завтрак. Это не укрылось от глаз соседей.

– Смотрю, у вас отличный аппетит! – весело сказала Катя. – Завидую вам: кушаете довольно много, а остаетесь

стройной...

– На самом деле я очень сильно в последнее время поправилась. Мой нормальный вес – сорок три килограмма, а сейчас больше пятидесяти...

– Не смешите меня! Пятьдесят! Мне б столько весить... – Катя со вздохом похлопала себя по мясистому животу. – Я же вешу восемьдесят! Да и Сережа у меня что-то поправляться начал, а ведь раньше как Аполлон был...

– Я и сейчас хоть куда, – нисколько не обиделся супруг. – А скоро опять в привычную форму войду, я ж теперь по утрам бегаю...

– А вы, Катя, к мужу присоединиться не хотите? – поинтересовалась Марго.

– Нет, ни за что! Я в последнее время без снотворного спать не могу. Поэтому вечером обязательно принимаю таблетку...

– И утром глаза разлепить не может, – закончил за нее Сергей. – Да и ночью спит так, что пушкой не разбудишь. Я сколько раз пытался ее на бок перевернуть, чтоб не храпела, никак...

– Не ври, я не храплю! – возмутилась Катя. – Только поспываю.

– Ну конечно...

– А я говорю – не храплю!

– Ладно, не поленюсь сегодня, запишу на диктофон твоё «сопение»...

– Вот и запиши, а иначе не поверю.

И она, показав ему кулак, вышла из-за стола. Сергей хотнул, подмигнул Марго и поспешил вслед за женой. Проводив соседей взглядом, она подумала, что у супругов Марченко почти идеальные отношения: крепкие, душевные и в то же время легкие. У них с Митей не такие. Муж Марго был человеком довольно угрюмым, очень серьезным и ужасно правильным. С ним не повеселишься! И вот так, болтать ни о чем, как супруги Марченко, они не болтали. А уж когда Марго с Базилем начинали перемывать кости кому-нибудь из общих знакомым, Митрофан закатывал глаза и уходил в другую комнату, чтобы не слышать, как они сплетничают. А еще Митя не понимал многих шуток. И подтрунивать над ним было нельзя. Он обижался на невинные подколы, замыкался и весь день ходил с несчастной физиономией. В общем, жить с Митей было непросто. Но Марго не променяла бы своего угрюмого, серьезного и правильного мужа ни на кого другого. А все потому, что такого чистого, порядочного, преданного человека на свете больше не было! Ее Митя был уникален. А еще очень красив. И не только душой. В отличие от всех, в том числе самого Митрофана, Марго считала его очень привлекательным мужчиной. Особенно ей нравилась его лысина. И рост! И добрые карие глаза. И пухлые губы под щеткой усов. И даже сами усы, хотя до встречи с Митей она терпеть не могла мужчин с растительностью на лице...

– Судя по мечтательному виду, вы сейчас думаете о ка-

ком-нибудь красавчике типа Орlando Блума, – услышала Марго над своим ухом и, вздрогнув от неожиданности, подняла глаза. Возле ее столика стоял незнакомец в синих джинсах и голубой футболке в обтяжку. Стройный и франтоватый. – Я слышал, именно его признали в этом году самым сексуальным мужчиной планеты, – продолжил он, одарив Марго ослепительной улыбкой. – Хотя, на мой взгляд, он чересчур смазлив...

– На мой – тоже, – пробормотала Марго, поднимаясь из-за стола. Мужчина поспешил ей помочь, отодвинув стул. – Спасибо, – поблагодарила его Марго и заторопилась к выходу. Кавалер заспешил следом.

– Разрешите представиться? – проговорил он, нагнав ее и преградив дорогу. – Макс Радов. А как зовут вас?

– Маргарита...

– Великолепное имя! И так вам подходит...

Марго натянуто улыбнулась. Макс, что и говорить, был мужчиной видным и к себе располагающим, но его намерения были уж слишком очевидными.

– Позвольте проводить вас? – промурлыкал он, подставляя согнутую в локте руку.

Марго сделала вид, что не заметила ее, и в ответ сказала:

– Меня там муж ждет, поэтому не стоит...

Но от Макса было не так легко отделаться.

– Маргариточка, не обманывайте меня, – тоном воспитателя детского сада, журящего ребенка, сказал он. – Я узна-

вал, вы отдыхаете здесь одна...

– Узнавали? – удивленно переспросила Марго.

– Уж простите... – Он развел руками. Улыбка с его лица не сходила, и Марго подумалось: как это у него скулы не сводит? Понятно, что отличные зубы надо обязательно демонстрировать, но не беспрестанно же! – Дело в том, что я сразу вас заметил... И вы меня заинтересовали чрезвычайно – давно мне не приходилось видеть таких прекрасных женщин... – Макс бросил на Марго короткий заинтересованный взгляд, выясняя, как на нее подействовал его комплимент. – Вы само совершенство! – добавил он, не заметив на лице Марго ничего, кроме вежливого внимания. – Можно сказать, я влюбился в вас с первого взгляда...

Тут уж Марго не выдержала: расхохоталась (мужские приемычки соблазнения ее всегда сместили). Однако Макса это не смутило, и он продолжал, но уже другим тоном, не восторженным, а немного грустным:

– Вы можете смеяться надо мной, но я действительно...

– Макс, вы простите меня, – перебила его Марго, – но мне на самом деле нужно идти...

– Давайте покатаемся сегодня на лодке?

Марго покачала головой.

– Сходим в ресторан?

Она вновь повела подбородком.

– Просто погуляем?

«Не отстанет!» – подумалось Марго, и она сказала:

– Возможно...

– Вы сделали меня самым счастливым человеком на свете! – возликовал он.

«Опять переигрывает», – вздохнула про себя Марго, а вслух произнесла:

– До свидания, Макс! – И, обойдя ошарашенного Радова, зашагала к выходу.

Митрофан

Все то время, что Марго разговаривала с Максом, ее супруг стоял в фойе и наблюдал за происходящим. Он заглянул в столовую, чтобы узнать, за каким столиком сидел покойный, и записать имена его соседей, но тут увидел супругу, мило болтающую с каким-то красавчиком, и позабыл обо всех делах.

Несмотря на то что Митрофан доверял жене, чувство жгучей ревности терзало его постоянно. Причин для этого было две. Первая – неуверенность в себе. Вторая – бывшая профессия супруги. Митрофан знал, что имеет малопривлекательную внешность. Поэтому никогда не мечтал о красивых женщинах, считая себя недостойным их. Первая его жена была «серой мышкой», и это Голушко устраивало. А вот во второй раз Митрофана угораздило жениться на красавице. Когда Марго была карлицей, он еще как-то мирился с тем, что у нее прекрасное лицо, но, когда она сделала операцию и превратилась в эталон красоты, комплекс неполноценности начал развиваться в Мите со стремительной силой. Самто он любил жену не за внешность, но остальные «клевали» именно на нее. Марго не могла спокойно ходить по улицам, к ней постоянно приставали мужчины. И Митрофан, зная об этом, просто-таки сатанел. Особенно если в этот момент ему вспоминалось, что когда-то Марго спала со всеми, кто мог

себе позволить купить ее «любовь». И пусть она уверяла, что не получала от этого никакого удовольствия, а Базиль твердил, что из бывших проституток получаются самые лучшие жены, Митрофан все равно страдал от раздирающей душу ревности...

Как сейчас, например!

Мужчина, болтающий с Марго, был, кроме того, что хорош собой, еще и богат. Явно дорого одет, и часы на руке золотые. Да и вообще! Раз отдыхает в «Эдельвейсе», значит, имеет доход не менее ста тысяч в месяц. А Митрофан? Мало того, что толст и лыс, так еще зарабатывает жалкие двадцать тысяч... И шутить не умеет! Не то что красавчик. Вон как Марго заливается, слушая его...

Сомкнув челюсти так, что скрипнули зубы, Митрофан сделал несколько шагов вперед. Решил послушать, о чем жена с красавчиком болтает. И вот что донеслось до его ушей:

– Давайте покатаемся сегодня на лодке?

Марго покачала головой. Но, как показалось Митрофану, не очень решительно.

– Сходим в ресторан? – не отставал красавчик.

Жена вновь ответила молчаливым отказом, но, как и в предыдущий раз, недостаточно твердо. Надо было резко сказать нахалу «нет», а Марго только своей прекрасной головкой качает.

– Просто погуляем?

«Пошли его подальше! – взмолился Митрофан мысленно»

но. – Можно даже матом! Я хоть и не переносу, когда женщины нецензурно бранятся, но тебе прощу...»

– Возможно, – услышал он мелодичный голос жены, а потом радостный вопль красавчика:

– Вы сделали меня самым счастливым человеком на свете!

«А я из тебя сейчас котлету сделаю», – прорычал Митрофан про себя. Но так и остался стоять на месте. Потому что был противником кулачных разбирательств. В отличие от отца. Тот, если кто осмеливался пристать к его женщине, сразу лез в драку. Даже когда при нем заигрывали с Марго, начинал красноречиво почесывать кулаки. И будь он сейчас на месте сына, обязательно бы вмешался и если не дал красавчику по зубам, то обматерил бы точно (словарный запас ненормативной лексики у Базиля был богатый). Митрофан же ни драться, ни ругаться не умел. Нет, он, конечно, мог применить какой-нибудь прием при нападении преступника, но, что называется, в мирной жизни у него рука на человека не поднималась. И язык не поворачивался обложить его матом. Все ж таки цивилизованные люди...

«Но если он сейчас от моей жены не отстанет, – решительно подумал Митрофан, – я забуду об этом и...»

Что он сделает дальше, Голушко не успел представить, так как Марго сама прекратила общение.

– До свидания, Макс, – сказала она и пошла к выходу.

Приставала посмотрел ей вслед. Во взгляде было восхищение и... торжество! Словно он уже нисколько не сомне-

вался в том, что Марго станет его. И так Митрофана это взбесило, что он решительно вошел в зал (жена в это время уже вышла на улицу, не заметив его за разлапистой финиковой пальмой) и встал напротив Макса.

– Те че надо, мужик? – спросил тот. Вежливым он был только с дамами.

– Мне надо, чтоб ты отстал от моей жены, – процедил Митрофан сквозь зубы.

Теперь, когда они стояли лицом к лицу, стало ясно, что не так уж Макс и безупречен: кожа пористая, губы тонковаты, а волосы тщательно зачесаны назад, для того чтобы скрыть лысину. Самое же приятное открытие, которое Голушко сделал, было вот какое: в «красавчике» росту оказалось не больше ста семидесяти сантиметров. И Митрофан, вымахавший до ста девяноста, смотрел на него сверху вниз.

– Ты понял? – спросил он и незаметно оторвал пятки от пола, чтоб подавить «противника» своим ростом окончательно.

– Которая из отдыхающих тут цып твоя жена? – поинтересовался Макс и тоже поднялся на носки, дабы хоть чуточку подрасти. – Я тут, знаешь ли, со многими... – Он хмыкнул. – Общаюсь!

– Моя жена не цыпа, а женщина. И ты с ней только что разговаривал...

– Маргарита твоя жена? Да не бреши!

– Еще раз к ней подойдешь... – угрожающе начал Мит-

рофан, но вынужден был замолчать, поскольку не знал, как фразу закончить. Пауза затягивалась. Митрофан лихорадочно соображал, что сказать, пока не вспомнил любимую отцовскую угрозу еще со времен его заключения: – Глаз на жопу натяну!

Слово «жопа» Митрофан употреблял крайне редко (обычно он обходился более литературными синонимами), поэтому прозвучало оно не так смачно, как в исполнении Базиля. Наверное, из-за этого угроза в целом получилась какой-то неубедительной. Поняв это, Голушко выставил перед собой большущий, как кувалда, кулак и сунул Максу под нос. Уже без слов! Этому он тоже научился у отца. Только у того кулаки были более устрашающие, но не из-за размера, а из-за шрамов на костяшках и синих наколок на пальцах...

– Ну ты и псих, – проговорил Макс, отстраняясь. И хотя испуга не продемонстрировал, пошел на попятную: – Ладно, не парься, оставлю твою бабу в покое... Тут других цып полно!

Сказав это, он ухмыльнулся и зашагал к выходу.

Митрофан хмуро смотрел ему вслед. Невзирая на малый рост, Макс производил впечатление сильного парня. У него были широкие плечи и мощные руки. Если Митрофан вступит с ним в драку, еще неизвестно, кто выйдет из нее победителем.

«Завтра же пойду в спортзал, – решил Митрофан. – Грушу хоть поколочу... А лучше приемы дзюдо вспомню, ведь

когда-то меня им учили...»

От этих мыслей старшего следователя оторвал голос администраторши, пожелавшей узнать, что тот делает в столовой, когда завтрак уже закончился. Митрофан встрепенулся, представился и потребовал от служащей записать на листке фамилии тех, кто делил с Сидоровым стол, а также номера комнат, где они проживают. Когда женщина сделала то, что ей велели, Голушко покинул столовую.

Едва он оказался на улице, как столкнулся с собственной женой.

– Митя! – радостно воскликнула она, бросившись к нему и по привычке схватив его тонкими пальчиками за широкую ладонь... как маленькая девочка, ищущая поддержки старшего товарища. – Ну наконец-то! Я тебя уже минут пятнадцать жду. Мне Слава сказал, что ты в столовую пошел, а я не решалась тебя тревожить... Я ж понимаю, у тебя служба... – Тут она заметила, что Митрофан озабочен больше обычного, и взволнованно спросила: – Что-то случилось?

«Ничего, дорогая, ровным счетом ничего, – ответил ей Голушко мысленно. – Если не считать того, что к тебе пристают всякие богатенькие хлыщи с предложениями прогуляться вечером, а ты им отвечаешь: «Возможно», от чего я сатанею...»

– Мить, ты чего молчишь? – проявила настойчивость Марго. – Случилось что, спрашиваю?

– Да нет, – пожал он плечами. – Просто погрузился в раз-

думья... Служба, сама понимаешь...

– Ага, понимаю, – серьезно заявила она. – И мне есть что тебе сообщить...

И она принялась пересказывать содержание разговора, состоявшегося за завтраком. Митрофан слушал вполуха. Естественно, нужная информация откладывалась в его памяти, но все то время, пока жена «давала показания», он думал об одном: почему она сказала Максу «возможно»...

– В общем, Митя, тебе просто необходимо поговорить с его женой и связаться с коллегами из ОБЭПа, – закончила свой рассказ Марго.

– Вообще-то ОБЭП уже упразднили, – машинально поправил ее Митрофан. – Теперь это называется...

– Да и черт с ним, с названием! – вспыхнула супруга. – По моему, ты меня совсем не слушал! Только в конце очнулся.

– Тебе показалось... – И, не выдержав, выпалил: – А с кем ты перед уходом из столовой разговаривала?

Марго свела свои тонкие бровки на переносице, но почти тут же ее лицо разгладилось и последовал ответ:

– А, вон ты о ком... Это Макс Радов... Он тоже отдыхающий.

– И что он хотел?

– Да ничего не хотел, – немного смутилась она. – Просто поболтать... – И Марго поспешила сменить тему: – Прости, но я тебе ничего из столовой не принесла... Не заметила, как все слопала... Но если хочешь кушать, я тебе из номера

притащу печенье, у меня от ужина осталось.

– Я не голоден, спасибо...

Тут в его кармане затренькал сотовый телефон, и Митрофан вынужден был прервать разговор и ответить.

– Я пойду к себе, – шепотом сказала Марго и указала пальчиком на выглядывающую из-за липовых крон островерхую крышу своего бунгало.

Митрофан кивнул и так же тихо ответил:

– Иди, а я поехал в город, прокурор вызывает! – После этого он притянул ее к себе, чмокнул в нос и вернулся к телефонному разговору.

Базиль

Переправив сына на берег, Базиль вернулся на остров и пустился на поиски Лехи. Тот оказался не где-нибудь, а там, где старший Голушко разбил свой лагерь: сидел на перевернутом ведре и уплетал бутерброды.

– Вы, Василь Дмитрич, меня простите, – прочавкал он, увидев Базиля, – но я у вас тут хавчик позаимствовал...

– Лопай, не жалко!

Базиль опустил на колени и стал разводить костер. Чаю, в конце концов, попить надо!

– Голодный, как саранча в неурожайный год, – пожаловался Леха, который на самом деле был похож на саранчу – жрал беспрестанно, оставаясь при этом худым. – А все из-за Митьки. Уговорил мой завтрак подчистую... Все пять бутербродов с колбасой!

– Митя ел колбасу? – не поверил своим ушам Базиль.

– С жиром...

– Очуметь!

– И пил кофе!

– Человеком становится, – усмехнулся Базиль. – Эдак сало есть начнет. И пить водку.

– Про водку ничего сказать не могу, а сала уже хочет...

– Кстати, о птичках, – встрепенулся Голушко. – У меня тут есть немного... – Он оттопырил карман штормовки и по-

казал Лехе бутылочное горлышко. – Будешь?

– Не, Василь Дмитрич, не буду, – затряс головой Смирнов. – Я ж на работе... Мне нельзя!

– Капельюшечку. Для согрева... А то сегодня прохладно! – Видя сомнения Митинового друга, Базиль привел последний аргумент: – Лаврушкой зажуешь, у меня ее полно...

– А, черт с вами, наливайте!

Базиль, плеснул в алюминиевую кружку граммов пятьдесят водки и протянул Лехе. Тот с благодарным кивком ее взял и быстро опорожнил.

– А теперь закуси. – Базиль кинул Лехе конфетку – бутерброды тот уже успел оприходовать.

– Спасибо, – поблагодарил Смирнов. – А теперь чайку бы...

– Сейчас будет, – заверил его Базиль, после чего принял водочки и запустил в рот карамельку. – А ты пока расскажи, что нарыть успел...

– Да практически ничего, – отмахнулся Леха. – Отпечатков посторонних полно, да толку? Катер прокатный, так что...

– А на штурвале?

– И там обнаружили, только вы ж сами говорили, что тот человек в перчатках был...

– А остров прочесал?

– Обижаете, Василь Дмитрич...

– Ну и?

– Если вы о следах, то, конечно, незамеченными они не остались...

– А карту игральную нашел?

– Естественно.

– Как думаешь, что она значит?

– Да как пить дать, ничего... Я вообще сначала решил, что это вы ее выбросили... Вы ж вроде картежник...

Вообще-то Базиль был профессиональным каталой. И многие годы промышлял тем, что обыгрывал лохов в покер, козла, буру и свару. Но как только сын изъявил желание влиться в ряды сотрудников МВД, Базиль с азартными играми завязал. И чтоб не искушаться, карты в руки не брал. Совсем!

Всего этого Базиль Смирнову объяснять не стал, сказал коротко:

– Это, Леха, не моя карта.

– Но и не факт, что того типа в плаще...

«Вот тут ты ошибаешься, – мысленно возразил ему Голушко. – Карта его... И порвана она не просто так... А вот обронена, возможно, случайно...»

– Василь Дмитрич, вода кипит, – окликнул задумавшегося Базиля Леха.

– Сейчас чайку заварю! Со смородиновыми листочками...

– Давайте, а я пока на катер поднимусь, погляжу, как им управлять, – транспортировать судно в «Эдельвейс» мне придется.

– Придется? – хмыкнул Базиль. – Да ты сам, поди, вызвался...

– Ну да, сам, – не стал спорить Смирнов. – Совмещу полезное с приятным! Но сначала труп доставлю на тот берег, ребят туда же отвезу, а уж потом в «Эдельвейс». Мне все равно туда надо. А так – и катер заодно верну, да еще и прокачусь с ветерком, молодость лихую вспомню! – И он, запрыгнув на борт, стал с интересом рассматривать приборную доску.

Пока Леха изучал устройство катера, Базиль заварил чай и прикидывал, что делать дальше. Варианта было три. Первый: остаться на острове и вернуться к рыбной ловле. Второй: прокатиться вместе со Смирновым до «Эдельвейса» на катере. И третий: отправиться по реке на своей резиновой лодке, чтобы поискать место, где человек в плащ-палатке причалил к берегу. Перебрав в уме все эти варианты и сделав вывод, что лучшим будет – начальный, а промежуточный – приемлемым, Базиль все же остановился на последнем.

– Леха, чай готов! – крикнул он Смирнову. – Зови ребят, пусть тоже попьют!

– Они не будут, – ответил за судмедэксперта и фотографа Леха. – Ротшильд в антисанитарных условиях пищу не употребляет. Он предпочитает по соседству с покойничком ее вкушать. Сидит сейчас в каюте, чай гоняет – там и чайник, и заварка есть...

– А фотограф где?

– Зарубин убежал лягушек фотографировать. У него своя страничка в Интернете, он там свои работы выкладывает...

Про Интернет Базиль не знал практически ничего, поэтому, как там можно выложить работы, представить не мог. Он отлично разбирался в технике. Сам ее чинил. Если надо, и собирал (из старых запчастей), но вот компьютеры так и остались для него загадочными ящиками, к которым не знаешь, с какой стороны подойти. Митя, к слову сказать, в этом пошел в отца. Единственное, на что он был способен, так это набрать в «Ворде» отчет. А вот Марго с компьютерами легко управлялась. Даже могла сама почистить диск от вирусов или систему переустановить, что вызывало у Митрофана и его отца чувство глубокого уважения и легкой зависти.

– Чаек знатный, – похвалил Леха приготовленный Базилем напиток. – Спасибо... – Он поставил опустевшую кружку. – Теперь лаврушечки хотел бы попросить, да собираться будем...

– Секунду! – Базиль порылся в пакете с провиантом и отыскал пачку лаврового листа. – Бери все, если хочешь, у меня еще есть...

– Да куда мне всю? – Леха достал один листик и сунул его в рот. – А вы чем займетесь?

– А я порыбачу немного... С лодки. На удочку.

– Неугомонный вы, Василь Дмитрич, – восхитился Леха. – Все утро туда-сюда нас возили, и опять в лодку! Отдохнули бы...

– На том свете отдохну, – отмахнулся Базиль. Затем поднялся с корточек и стал готовить снасти. Удочку все равно надо было взять. Хотя бы для отвода глаз.

Габриель

За приездом милиции Габриель наблюдал из окна столовой. Он видел, как к корпусу подкатил «уазик» и из него выбрались двое: высокий полноватый мужчина и мускулистый черноволосый паренек. Какой-нибудь следователь да младший опер. «Всего двое, отлично! – подумал он. – Значит, все путем. У милиции нет сомнений в том, что покойный совершил самоубийство, а не умер насильственной смертью...»

Габриель хотел продолжить наблюдение за прибывшей в «Эдельвейс» парочкой, но тут его отвлекла одна из официанток, и он был вынужден оторвать взгляд от окна. Перекинувшись с ней парой фраз, Габриель уже собрался вернуться к прерванному занятию, как услышал знакомый дискант и обернулся на голос.

– Вы в курсах, че случилось? Нет? Да вы че, тут такое... – разорвался прыщавый студент, стоя у входа в обеденный зал и обращаясь к кучке отдыхающих, намеревавшихся пройти к своим столикам. – Чувак один вены себе вскрыл! Прикиньте? Вот так взял и ушел из этой поганой жизни...

Люди смотрели на него с недоумением. Им было непонятно, почему парня охватило такое радостное возбуждение. По всеобщему мнению, сообщать такую трагическую новость надо было совсем другим тоном. Но паренек продолжал захлебываться эмоциями и все твердил одно: «Ну, молодец чу-

вак! Уважаю!»

«Спасибо тебе, крысенок, – мысленно усмехнулся Габриель. – Твоя теперешняя реакция будет лучшим доказательством твоего добровольного ухода из жизни... И уйдешь ты, милый мой, совсем скоро... – Он засунул руку в карман и нащупал овальную таблеточку, которая должна, кроме веревки и мыла, помочь ему в этом деле. – Так что поганая жизнь тебе надоесть не успеет... Чувак!»

Паренек все разорялся, но долго слушать его визгливый голос Габриель не мог, поэтому отключил сознание, а вместе с ним и все органы чувств, и погрузился в безмятежность. Это был его большой талант – уметь «выключаться». Габриель мог часами сидеть ни о чем не думая, не двигаясь, не видя, не слыша, не обоняя, но готовый в любой момент «ожить» и начать функционировать. Как какой-нибудь компьютер, поставленный в режим ожидания. Не во все периоды жизни у него это получалось, но в последние годы он легко очищал свое сознание. А уж в детстве ему это удавалось без усилий...

Город, из которого был родом Габриель, находился в Западной Украине. Он был небольшим, старинным и отдаленным от остальных населенных пунктов. Основной его достопримечательностью была древняя крепость. Во время войны в ней располагался штаб абвера, и в ее огромных сырых подвалах содержались сотни заключенных. Казнили их во дворе, а хоронили на пустыре за монастырскими стенами. Вы-

рывали огромную яму и сваливали в нее трупы. Когда яма заполнялась, ее закапывали, а заключенных гнали рыть другую.

Земля в их городке была пропитана трупным ядом. А стервятников было столько же, сколько в других населенных пунктах галок или голубей. Весной, когда цвели фруктовые деревья, никому не приходило в голову восторгаться прекрасным зрелищем, потому что на всех ветках сидели эти мерзкие птицы.

Габриель рос очень болезненным и странным мальчиком. Родился он недоношенным, слабым, плохо реагирующим на внешние раздражители. Врачи сначала сомневались в его жизнеспособности, а чуть позже в полноценности. Но ребенка выносили, и он оказался вполне нормальным. Разве что немного отставал в развитии и очень плохо ел. А еще совсем не плакал.

Ходить Габриель начал в полтора года. Говорить в три. Но, научившись этим детским премудростям, в отличие от других ребятишек не носился как угорелый и не болтал без умолку. Как правило, он сидел на подоконнике и смотрел вдаль, а в разговоры вступал лишь в тех случаях, когда кивком головы или жестом нельзя было ничего объяснить. Эдакий маленький сфинкс: неподвижный и молчаливый. Оживал Габриель только тогда, когда отец приносил в дом забитых кур. Обезглавленные птицы, сваленные в углу кухни, вызвали у мальчика небывалый интерес. Он прыгивал с под-

оконника и крутился возле них, трогая окровавленные шеи маленькими ручонками, и все спрашивал у отца, долго ли они умирали и было ли им больно.

Друзей у Габриеля не водилось. Он был абсолютно одиноким. Причем по своей воле. В детский садик он не ходил по причине слабого здоровья, так что с ровесниками общаться мог только вечерами, но вечерами он на улицу выходить боялся. А все из-за стервятников. Однажды мама, заметив, с каким интересом пятилетний Габриель наблюдает за тем, как переодевается его старшая сестра, взяла его за руку, отвела на пустырь и строго сказала: «Будешь пялиться, я тебя тут оставлю, чтобы стервятники выклевали тебе глаза!» Впечатлительный мальчик сразу же представил, как это произойдет, а потом – как он будет жить слепцом, и так испугался, что стервятник стал постоянным участником его кошмаров.

А вот сама крепость его совсем не пугала. Она его завораживала! Другие дети играли на развалинах, бесцеремонно выламывали камни из стен, писали на них матерные слова. Те, кто постарше, наведывались в крепость, чтобы, скрывшись от глаз взрослых, заняться сексом. Естественно, и игруны, и хулиганы, и малолетние любовники там же справляли нужду, разводили костры и мусорили. И только Габриель никогда не позволял себе ничего подобного. Когда он попадал на развалины (его приводила туда сестра: девушку заставляли сидеть с братом, а ей хотелось позаниматься сексом

с кем-нибудь из парней), то находил укромное местечко, садился на прохладные камни и все ждал, когда же с ним заговорят души давно умерших узников...

Про души узников он часто слышал от матери. Она считала, что они живут в проклятом месте, поэтому часто молилась, чтобы скверна не прилипла к ней и ее детям. Часами она просиживала перед иконой, беззвучно шевеля губами и крестясь. Но все равно чувствовала, что ее молитвы не помогают. У дочери на уме один блуд, а что на уме у сына – одному богу известно... Или дьяволу! В городе, где сжили со свету такое огромное количество людей, балом точно правит сатана.

В школу Габриель пошел в восемь лет. Он отлично писал, читал и считал, однако учился слабо. Поведение у него также хромало. Хотя он не был ни хулиганом, ни непоседой, ни грубияном, но мог посередине урока подняться из-за парты и выйти из класса, не обращая внимания на окрики учителя. А еще он часто притаскивал в школу дохлых птиц или животных. Укладывал их на парту и рассматривал, что приводило в ужас и одноклассников, и педагогов.

Отучившись в восьмилетке, Габриель пошел работать. Отец устроил его к себе в коровник (он трудился там наладчиком дойных аппаратов, а сына взяли на должность скотника), рассудив, что из парня все равно толку не выйдет, а тут хоть деньги будет в дом приносить. Габриель отработал лето, но осенью вернулся в школу. За два месяца, проведенные

на скотном дворе, парень твердо уяснил, что хочет для себя совсем другой жизни, а для этого нужно учиться. И учиться не просто хорошо, а блестяще, чтобы поступить в вуз какого-нибудь крупного, а главное, далекого-далекого города.

Желание уехать из «проклятого места» до того лета как-то не возникало. Габриель всю жизнь провел в родном городке и слабо представлял, каков мир за его пределами. Конечно, в журналах и по телевизору он видел другие места: и дальние страны, и близкие союзные республики; и столицы, и маленькие поселки. Там все было другое и казалось ненастоящим. Будто не документальные кадры смотришь, а постановочное кино. И вот когда Габриель проработал в коровнике месяц, отец «выбил» для сына бесплатную путевку в Киев. Парень не очень-то хотел куда-то ехать, исторические и культурные ценности украинской столицы его не прельщали, но из дома вырваться хотя бы на пять дней мечтал давно. И дело было в матери. С возрастом она стала невыносимой, а ее религиозность маниакальной. Если кто-то из домашних поступал непотребно, она принималась вразумлять грешника не словами, а делом. Сколько раз она кидалась на подвыпившего отца! А дочь-блудницу запирала в погребе, чтобы не дать ей распутничать. Габриелю тоже доставалось. Хотя за ним явных грехов не водилось, мать видела в его скрытности, молчаливости, странноватом поведении нечистые помыслы и, стоило ему погрузиться в привычное задумчивое состояние, била его по лицу.

В общем, Габриель поехал. На автобусе до районного центра, потом электричкой до областного, а там – поездом до столицы. Едва сев в него, уставший Габриель уснул, проснулся уже в Киеве. Разбуженный попутчиком, открыл глаза, выглянул в окно и...

Глазам не поверил. Высокие, необыкновенной красоты здания, мосты, храмы, лабиринты улиц, потоки машин, толпы людей, сочная зелень обширных скверов... И на деревьях ни одного стервятника! Ну просто другой мир! Другой, но настоящий...

Четыре дня пролетели как один миг. Габриель наслаждался всем, а особенно походами по музеям. В нем проснулся интерес к истории, архитектуре, искусству. Это в «проклятом месте» его нечем было разбудить, одна достопримечательность – старая крепость, да и та разрушенная и загаженная, а тут куда ни глянь – исторические ценности, шедевры архитектуры, произведения искусства.

В родной городишко Габриель вернулся другим человеком. Никто, правда, этого не заметил, и желание парня вновь взяться за учебу расценили как придурь не вполне нормального человека. Да только ему было на это плевать.

За два года из троечника Габриель превратился в лучшего ученика и окончил школу с медалью. Но надо заметить, что блестяще он успевал только по гуманитарным наукам, а пятерки по точным ему ставили скорее за усидчивость. Получив аттестат и корочку золотого медалиста, Габриель на-

чал готовиться к поступлению в институт. Отец не мог порадоваться, он всегда мечтал, чтоб кто-нибудь из его детей получил высшее образование и стал, к примеру, агрономом. А лучше врачом. Однако Габриель его разочаровал, он выбрал совершенно неподходящую специальность, а именно: искусствоведение (врачом Габриель стать не отказался бы, а лучше патологоанатомом, но он понимал, что ни за что не сдаст математику). Отец недоумевал: зачем мужчине иметь диплом искусствоведа? Куда он с ним устроится по окончании вуза? В музей, что ли? Так в их городке таковых не имеется...

Тогда отец Габриеля еще не знал, что его сын не вернется на свою малую родину. Более того, он даже не приедет навестить своих родных. И писем им писать не будет. И не узнает, что его мать в порыве религиозной экзальтации забудет блудницу-дочь до смерти, отца доведет этим до сердечного приступа, а сама закончит свои дни в сумасшедшем доме...

Марго

Распрощавшись с мужем, Марго вернулась в бунгало, включила телевизор и прилегла на диван. Вообще-то она дала себе зарок сразу после еды не принимать горизонтального положения (врач-гинеколог ругал ее за стремительный набор веса и велел худеть), но постоянно его нарушала. Дома еще как-то держалась, находя себе занятия: посуду помыть, пыль протереть, Митины вещи аккуратно сложить, но в «Эдельвейсе» все бытовые проблемы решались без ее участия, и Марго разленилась. И главное, как быстро – за какие-то сутки!

По телевизору шел фильм «Забытая мелодия для флейты». Марго любила его и с удовольствием стала смотреть. Однако не прошло и пятнадцати минут, как ее сморило. Марго выронила пульт, засунула ладони под подушку и погрузилась в сон.

Прошло два часа. Марго просмотрела много интересных снов, а пробудилась от какого-то неприятного ощущения. Открыв глаза, она не сразу поняла, что именно не так, пока не почувствовала зуд в затылке. Причем зудело будто изнутри, и от этого было не по себе. Марго почесала затылок. Затем повернулась с боку на спину и потерлась головой о подушку. Зуд не проходил. Прислушавшись к своим ощущениям, Марго поняла, что уже испытывала такое раньше. Ко-

гда она была карлицей, то являлась объектом пристального людского внимания. На нее пялились на улице, в магазинах, в транспорте (пока она не купила свою первую машину, вынуждена была ездить на автобусах и трамваях), и эти взгляды Марго ощущала затылком...

Как сейчас!

Резко обернувшись, Марго посмотрела в окно. Шторы на нем были задернуты, но не до конца, и она увидела ветку росшего за окном декоративного шиповника. Ветка качалась. Но не от ветра, как хотелось бы думать, а от того, что секунду назад ее задел тот, кто стоял у окна и сверлил спящую девушку взглядом...

«Как пить дать Макс, – раздраженно подумала Марго. – Зря я не дала ему твердый отпор! Надо было сказать открытым текстом, что со мной ему ловить нечего...»

Марго поднялась с дивана, подошла к окну, отдернула штору, выглянула на улицу. Никого! Распахнув створки, Марго высунулась из окна по пояс. Но и теперь не увидела ни одной живой души. Макс (точно Макс, больше никому!), наверное, успел ретироваться.

Захлопнув окно, Марго пошла в ванную, умылась. Затем сменила помявшиеся блузку и брюки на спортивный костюм. А оставшееся время до обеда гладила жеванные вещи, решив побыть в вертикальном положении хотя бы с трехчасовым опозданием.

Закончив, Марго вновь переделась и отправилась в сто-

ловую.

Она только вошла в обеденный зал и не успела еще даже найти глазами свой столик, как на нее налетела Катерина, схватила за руку и свистящим шепотом выдала:

– Петя повесился!

Смысл фразы до Марго дошел не сразу. В первые секунды она не могла понять, о ком речь, а когда поняла, то еще какое-то время соображала, что именно случилось с юношей. Наконец Марго стало ясно, что он повесился, и это привело ее в ужас.

– Как? Когда? Зачем? – почти прокричала она.

– Как, как? Просто... На веревке, что натянута на балконе. Снял ее, привязал к кронштейну для портьер, сделал петлю и...

Слова иссякли, и Катя, испустив тяжкий вздох, замолчала.

– Какой ужас, – проговорила Марго. – Просто в голове не укладывается: за завтраком еще жив был, а теперь его уже нет...

– Сразу после завтрака, судя по всему, он и повесился, – сказала Катя.

– Неужто на него такое впечатление произвело известие о самоубийстве Сидорова?

– Скорее всего... Помните, что он кричал утром? «Уважаю того чувака, что осмелился...» Ну и так далее...

– Милицию вызвали?

– Да, сразу же, как его обнаружили...

– А кто обнаружил?

– Человек из обслуги.

– Горничная, наверное, – сделала предположение Марго.

– Нет, не горничная. То ли слесарь, то ли электрик. Пришел что-то чинить в его номер, а Петя на веревке болтается... – Она передернулась. – Я как раз по коридору шла... Гляжу, из Петинного номера просто-таки вываливается этот то ли слесарь, то ли электрик, лицо белое, глаза по пятаку... Я спрашиваю: что случилось? Думала, приступ у него или давление резко упало, а он – парень повесился!

– Вы в комнату не заходили?

– Боже меня упаси! – замахала руками Катя. – Я сразу побежала в наш номер, чтобы супругу рассказать о случившемся, а мужчина, что Петю обнаружил, кинулся к директору «Эдельвейса» – милицию вызывать...

– Кстати, где Сережа? – поинтересовалась Марго, привыкшая к тому, что супруги в столовую всегда приходят вместе.

– Никак его найти не могу! В номере его не оказалось, на причале тоже. Думала, в столовой найду, но и тут его нет... – Она выудила из кармана похожего на домашний халат сарафана мобильник последней модели и, нажав на одну из кнопок, поднесла трубку к уху. – Ну вот, опять «абонент, не абонент», – с досадой произнесла она, дав отбой. – И где он шляется?

– Тут я, – слышалось сбоку. Когда женщины синхронно

повернулись на голос, то увидели запыхавшегося Сергея. – А телефон я, как всегда, зарядить забыл...

– Где ты был? – потребовала отчета Катя.

– В бильярдной, – ответил муж, направляясь к столику, на котором уже стояли холодные закуски. – А потом с Иваном разговаривал.

– С каким таким Иваном?

– Как с каким? С тем самым, который Петю в петле обнаружил...

– То ли слесарь, то электрик?

– Вообще-то он плотник. Пришел в номер починить шкаф

– Петя еще вчера жаловался горничной на то, что дверца болтается на одной петле...

За разговором они проследовали к столику, расселись. Схватив с тарелки бутерброд с красной икрой и затолкав его в рот, Сергей продолжил:

– Иван мне рашшшкажал...

– Прожуй сначала, – наставительно сказала Катя. – А то ни черта не понятно, что ты говоришь...

Супруг послушно заработал челюстями, а когда пища была проглочена, заговорил, на сей раз внятно:

– Так вот, Иван мне рассказал, что мальчишка уже холодный был. Он подошел к нему, чтобы убедиться в том, что тот мертв, дотронулся до руки, а она ледяная...

Катя охнула и отложила надкушенный бутерброд.

– Ивану тоже не по себе стало... Поэтому он поспешил из

номера обратиться. Однако когда уходил, краем глаза заметил на тумбочке лист стандартного формата, на котором от руки было что-то написано...

– Он не прочитал что? – полюбопытствовала Катя.

– Я ж тебе говорю, не по себе Ивану стало, поспешил обратиться...

– Это предсмертная записка была – факт!

– Скорее всего, – кивнул Сергей. – Иван сказал, что почерк подростковый был....

– Это как же он определил, интересно? Чем, скажите на милость, подростковый почерк от других отличается?

– Корявостью. Молодежь нынешняя от руки писать разучилась... Все на компьютере шлепает, вот навык и растеряла...

– Да этого плотника не Иваном назвать надо было, а Шерлоком, – фыркнула Катя.

– Может, Иван и не Холмс, а мужик не глупый... Вон, кстати, и он! – Сергей ткнул концом вилки в направлении арочного проема, ведущего в соседний зал (там обычно столовался обслуживающий персонал, только не в то время, когда отдыхающие, а позже). – Перекусить прибежал, пока милиция не подъехала...

Марго посмотрела в указанном направлении и увидела худощавого мужчину в униформе. У него были большие залысины, зато волосы на затылке Иван отрастил такой длины, что собирал их в хвост.

– Что за нелепая прическа, – не удержалась от комментария Катя. – В сорок лет и при такой плешу хвост носить...

– Да он из бывших металлистов, наверное, – предположил Сергей. – Постоянно с плеером ходит и тяжелый рок слушает.

Уши Ивана действительно закрывали огромные наушники допотопного кассетного плеера. С такими уже никто не ходит. Даже Базиль, игнорирующий большинство технических изобретений, и тот купил себе DVD-проигрыватель, чтобы не таскать на рыбалку кучу кассет, а брать всего пару дисков. Но Ивану, возможно, не хватало на такое приобретение денег. Зарплата у него наверняка была небольшая и, судя по одутловатому лицу, вся уходила на выпивку.

– Ну, что он алкаш, сразу видно, – точно прочитав мысли Марго, заявила Катя.

– Вот тут ты ошибаешься, – не согласился с ней супруг. – Иван сейчас не пьет. Здесь с этим строго, а он не хочет работу терять...

– Но когда-то пил?

– Когда-то пил. Но это давно было... Теперь же исключительно здоровый образ жизни ведет. Спортом занимается. Витамины принимает. Даже мяса не ест...

– Мяса, может, и не ест, а водку жрет точно, – не дала себя переубедить Катя. – А вообще хватит о нем, надоело! Тоже мне, знаменитость местного масштаба!

Марго также хотелось сменить тему. Причем кардиналь-

но, поскольку во время трапезы она предпочла бы разговаривать о чем-нибудь приятном. Например, о погоде. А что, чем не тема для беседы за столом? Тем более что дни стояли на удивление теплые и ясные, и этому хотелось бы сообщать порадоваться...

– Ой, смотрите, – встрепенулся Сергей, – менты приехали!

– Те же, что утром, – заметила Катя, глянув через зал в фойе. – Я помню этого лысого бугая... Он у них главный!

Марго обернулась и увидела Митрофана, пересекшего фойе и ставшего в арочном проеме. Не было никаких сомнений, что он высматривает жену.

– Извините, я на минутку, – сказала Марго, вставая из-за стола.

И направилась к супругу. Тот, увидев ее, хмуро кивнул в сторону выхода из столовой и двинулся к нему. Марго последовала за ним.

Когда супруги Голушко оказались на улице, Митрофан сказал:

– Я понимаю, что тебе тут нравится. Знаю, что ты чувствуешь себя прекрасно. Догадываюсь, что в «Эдельвейсе» гораздо веселее, чем дома, и, уж конечно, кормят во сто крат лучше... – Он шумно выдохнул в усы. – Но, несмотря на все это, ты должна уехать!

– Опять начинаешь?

– Рита, у нас еще один труп!

То, что он назвал ее Ритой (а не Сусликом, Малышом, Маргариткой и, как последний вариант, Маргаритой Андреевной), говорило о высшей степени недовольства женой. Митрофан знал, что она терпеть не может, когда к ней так обращаются, и старался этого не делать. Но когда злился, Марго неизменно становилась Ритой или гражданкой Голушко.

– Еще один самоубийца, насколько я знаю, – спокойно сказала она. – Парень с неустойчивой психикой, на которого добровольный уход из жизни Сидорова произвел такое впечатление, что он решил последовать его примеру...

– Гражданка Голушко, не делайте поспешных выводов!

– А вы, гражданин Голушко, не давите на меня!

– Я давлю? Да я самый демократичный супруг в мире! Другой бы с тобой даже разговаривать не стал, взвалил на плечо, впихнул бы в машину и увез домой!

– Я б с таким ни дня не прожила, – парировала Марго. – Теперь займись, пожалуйста, своей работой, а я пойду додать свой обед!

И она, развернувшись, зашагала к дверям столовой.

Митрофан

Митрофан беспомощно смотрел жене вслед и тяжело вздыхал. У Марго был отличный характер, очень уживчивый, и упрячилась она редко, но уж если упрячилась, то стояла на своем до конца. Когда такое случалось, Базиль любил повторять поговорку: «Хоть писай в глаза, все божья роса» – и с невесткой не связывался. А вот Митрофан не терял надежды на то, что здравый смысл победит и Марго признает свою неправоту...

Не стоит и говорить, что его надежды еще ни разу не оправдались.

– Митрофан Васильевич, – услышал Голушко голос стажера и, обернувшись на оклик, увидел и самого Славика, трусящего к столовой со стороны ворот. – Митрофан Васильевич, там ваш отец!

– Где? – не понял тот.

– На проходной. Он хочет попасть на территорию, а его не пускают! Сходили бы вы, попросили, чтоб разрешили ему пройти, а то меня охранники не слушают...

Митрофан беззвучно выругался. Мало ему с женой проблем, так еще отец пожаловал! И, главное, для чего? Что ему тут нужно? Нос свой совать куда не следует? Или сыну, проработавшему в органах двадцать лет, советы давать?

Пройдя к воротам, Митрофан вошел в зданье КПП, где

около охраняемой худощавым, но мускулистым секьюрити «вертушки» стоял раскрасневшийся от гнева Базиль. Увидев сына, он вскричал:

– Товарищ старший следователь, скажите им, что я главный свидетель по делу и хочу попасть на территорию для оказания помощи...

Охранник вопросительно посмотрел на Митрофана. Тот кивком подтвердил слова Базиля.

– Под вашу ответственность, – буркнул служащий «Эдельвейса». – У нас тут пропускной режим строгий, а ваш свидетель документов при себе не имеет... – Он смерил Базиля презрительным взглядом. – И выглядит как бомж...

Старший Голушко зло сощурился. Хотя обижаться не стоило, поскольку выглядел он и впрямь непрезентабельно. В линялой штормовке, старых джинсах и болотных сапогах, он походил если и не на бомжа, то на попивающего пенсионера, завсегдатая городских помоек. Да и пахивало от него соответственно: рыбой, потом и легким перегаром.

Когда Базиля пропустили, Митрофан отвел отца подальше от проходной и хмуро спросил:

– Ты зачем явился?

– Вообще-то я проводил следственный эксперимент.

– Только не это, – простонал Митрофан. – Еще один престарелый сыщик-дилетант объявился... Мало нам миссис Марпл и Джессики Флэгчер, теперь к ним еще Василий Дмитриевич Голушко присоединился!

– Митя, поздравляю, в тебе проснулся остролов! Иди блесни своим юмором перед женой, а то она мне не поверит, если расскажу...

– Ладно, пошутили, и будя. Выкладывай давай про эксперимент!

Базиль мог заартачиться, он бывал иногда по-стариковски вредным, но на этот раз повел себя покладисто.

– Докладываю, – буркнул он. – После того как твои ребята убрались с острова, я решил порыбачить. Отплыл довольно далеко, закинул удочку и тут смотрю на берег, а там – отпечатки подошв на глине. Точь-в-точь таких, как...

– Ну понял я, понял. Те же следы, что и на острове. Только не ври уж про рыбалку! Наверняка исследовал берег, выискивая эти самые следы...

– Два часа потратил, – сознался Базиль. – Уже отчаялся... И вдруг! Смотрю, уж больно берег хороший. Я б сам выбрался на сушу именно там. Ну и что ты думаешь? Подгребаю, и точно! Следы!

– Ну и куда они тебя привели?

– Никуда... Оборвались почти тут же. Он переобулся, видимо, в другую обувь, а главное, по траве дальше пошел, чтобы следов не оставлять.

– Сообразительный.

– Да уж, все продумал!

– Выходит, следственный эксперимент не удался?

– Выходит, нет. Только я уверен, что убийца направляется

именно сюда! Я это, Митя, нюхом чую!

– Жаль, что твой нюх к делу не пришьешь, – невесело усмехнулся Митрофан.

– А ты чего, здесь с самого утра торчишь?

– Да нет, второй раз уже приехал.

– Зачем?

– У нас, папа, еще один самоубийца объявился!

Глаза Базиля расширились от удивления.

– Мальчишка на этот раз. Студент, – продолжил Митрофан. – Повесился сразу после завтрака. Труп обнаружили ближе к обеду... – Он достал из папки, которую держал в руках, завернутую в полиэтилен бумажку. – Вот записка предсмертная...

– И что там?

– Много чего! Понакатал столько, что читать замучаешься... Вначале о мире – бардаке, бабах – б... в смысле, непорядочных женщинах... Ну и прочее... В конце о смерти как единственном избавлении от мук...

– Да уж какие муки-то? В двадцать лет?

– Вот как раз в двадцать малейшее переживание мукой кажется!

– И с тобой такое было?

– Конечно!

– Не знал... – протянул Базиль удивленно. – А ты по какому поводу переживал? Вроде все у тебя ладилось – в институте отлично учился, ни с кем из сверстников не конфлик-

товал, даже девушку какую-то имел, за ручку, помню, с ней ходили, как школьники...

– Я уж и не помню сейчас, – слукавил Митрофан.

Да разве мог он признаться отцу, что мечтал быть таким, как он: красивым, бесшабашным, лихим, активным, страстным, и осознание того, что это невозможно, рождало в нем страшные комплексы. Особенно когда та девушка, о которой вспомнил Базиль, бросала томные взгляды не на него, Митю, а на старшего Голушко и с сожалением в голосе замечала: «Вы такие разные». Или когда они играли во дворе в волейбол и в команду Базиля просились все, а в его, Митину, один полоумный Витек, не умеющий играть вовсе. А уж когда в их доме случился пожар и Базиль единственный не бросился вон из подъезда, а поднялся на чердак, чтобы вынести обитающую там трехлапую кошку, Митрофан почувствовал себя ничтожным червем! И вот тогда он тоже мечтал о смерти как единственном избавлении от мук...

– Только не говори мне, – голос отца вывел Митрофана из задумчивости, – что ты тоже думал о самоубийстве...

– Нет, не думал. Но знаешь, какая мысль часто меня посещала? «Вот умру, вы еще поплачете...»

– Ну, это ничего... Через это все проходили... Даже я! Только лет мне тогда было то ли семь, то ли восемь. В двадцать же мне не до этих глупостей было...

– Да уж... Карты, девочки, вино! Что еще для счастья надо?

– Ничего, сын мой, только здоровье, а оно в двадцать лет у меня было богатырское... – Базиль широко улыбнулся. – За ночь мог восемь раз... э... обязательную программу отработать! А если сил не оставалось на девятый заход, выполнял произвольную...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.